
Златоглавъ
сказка XX вѣка
Георгій Гребенщиковъ

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ

На долю перваго, правда, ограниченнаго, изданія этой книги, выпало рѣдкое счастье — быть распроданной въ теченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ выхода въ свѣтъ.

Второе изданіе, снабженное столь глубокой по замыслу и прекрасной по выполненію, обложкою работы художника Вс. Фед. Ульянова, надѣемся, встрѣтитъ еще болѣе теплый пріемъ у читателя.

Книгоиздательство Алатасъ
Въ Чураевкѣ

Апрѣль, 1939 г.

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ

ЗЛАТОГЛАВЪ

ЭПИЧЕСКАЯ СКАЗКА XX ВѢКА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Обложка работы художника Вс. Ф. УЛЬЯНОВА

* * *

Въ первомъ изданіи книги "Златоглавъ"

Обложка работы художника И. Ф. ЗАМОТИНА

* * *

PRINTED BY ALATAS CO. CHURAEVKA, SOUTHBURY, CONN.

Типографія К-ва Алатасъ въ Чураевкѣ.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Кто-бъ ни былъ ты, нашъ будущій народъ —
Пора кровавыхъ бурь на Родинѣ пройдетъ.
И вѣрю я, что по путямъ тернистымъ,
Ты вновь прійдешь къ своимъ истокамъ чистымъ!

* * *

ОТЪ АВТОРА

Въ бытность мою въ 1933 году въ Холливудѣ, въ штатѣ Калифорніи, послѣ одной изъ моихъ лекцій, ко мнѣ подошелъ высокій, стройный господинъ и попросилъ навѣстить его — онъ хотѣлъ-бы мнѣ что-то показать. Это оказался очень талантливый художникъ Всеволодъ Федоровичъ Ульяновъ, уралецъ, а то, что онъ хотѣлъ мнѣ показать, оказалась серія великолѣпныхъ картинъ, написанныхъ имъ на тему: "Царевичъ". — "Вотъ напишите сказку на эту тему," — предложилъ онъ мнѣ. Вскорѣ со мной произошло несчастіе: меня переѣхалъ автомобиль на улицѣ Холливуда и судьбѣ было угодно, чтобы я пролежалъ въ постели около трехъ мѣсяцевъ. Это-то время и было мною использовано для сказки "Царевичъ". Но сказка моя не совпала съ идеей художника, къ тому-же и совмѣстное изданіе книги, по цѣлому ряду причинъ, не состоялось. Поэтому, сказка была забыта въ теченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ. И къ лучшему! Теперь, я основательно ее передѣлалъ для выпуска въ свѣтъ подъ новымъ заглавіемъ: "Златоглавъ". Но, какъ бы я ни былъ далекъ отъ содержанія картинъ художника В. Ф. Ульянова, я считаю все-таки его моимъ вдохновителемъ для созданія этой моей книги, — за что и выражаю ему мою искреннюю благодарность.

Такъ какъ обоюдоострый деспотизмъ современности врывается нынѣ и въ область чистаго искусства, я долженъ былъ, въ этой книгѣ, отдать ему извѣстную дань, признавая, что и стихотворная форма далека отъ совершенства. Но я хотѣлъ запечатлѣть часть тѣхъ духовныхъ традицій и настроеній, которыми подлинный русскій народъ жилъ въ теченіи долгихъ столѣтій.

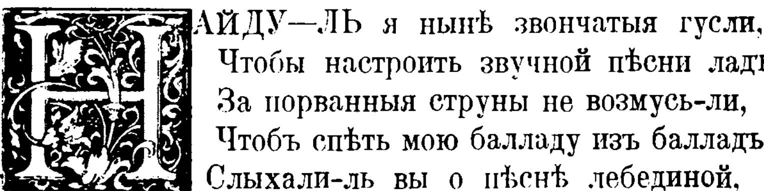
Но если въ будущемъ этимъ традиціямъ не найдется мѣста въ бытіи Россіи, пусть, какъ говоритъ Шиллеръ, то, что умерло въ жизни, воскреснетъ въ народныхъ воспоминаніяхъ и живетъ въ литературѣ.

Георгій Гребенщиковъ.

Чураевка. 17 Февраля 1939 года.

I

ЦАРЕВНА РУСЬ

НАЙДУ—ЛЬ я нынѣ звончатыя гусли,
Чтобы настроить звучной пѣсни ладъ?
За порванныя струны не возмусь-ли,
Чтобъ спѣть мою балладу изъ балладъ...
Слыхали-ль вы о пѣснѣ лебединой,
Когда она, взвиваясь въ облака,
Напоминаетъ о тщетѣ долинной.
Какъ пѣсня грустная родного ямщика?
Пусть голосъ мой, въ пустыняхъ мрака,
Въ трущебахъ дикости, какъ вздохъ замретъ,
Но гдѣ-то тамъ, въ предѣлахъ Зодіака,
Пусть онъ молитвой скорбной изойдетъ.

. . . . .

Разсказывать про Русь, да въ эти годы,
Всякъ вѣдаетъ — задача не легка:
Извѣрились вѣрнѣйшіе народы...
Но скорбь о Родинѣ такъ глубока.
Кто не знавалъ приданницы богатой,
Косящатыхъ и росписныхъ дверей
Ея дворцовъ и каждой бѣдной хаты?
Ея земель у девяти морей?

Кто не сидѣлъ въ свѣтелкѣ хлѣбосольной,
Кто не дѣлилъ съ ней черствыхъ сухарей,
Когда она, черницей богомольной,
Брела къ вратамъ святыхъ монастырей?
Кто не плѣнялся краснымъ сарафаномъ,
Не зналъ про ширь немѣренной земли
И по какимъ морямъ и океанамъ
Не плавали Россіи корабли?

. . . . .

О, Родина! Колдунья страшной сказки!
Святая Русь! Загадоченъ твой новый ликъ...
И ты-ли, вмѣсто материнской ласки,
Несешь сынамъ своимъ ярмо и стонъ великъ?
Гдѣ миръ полей твоихъ, твой Божій человѣкъ,
Уже-ль твой колокольный звонъ умолкъ навѣкъ?
Въ молчаніи твоемъ мы слышимъ то же:
Тоску о правдѣ, вѣчную мольбу земли,—
О милости, о лучшихъ дняхъ. Но, Боже!
Мы крестъ лишенія къ Тебѣ не донесли...
И мнится вновь, какъ въ дремѣ колыбельной,
Родимый шепотъ материнскихъ устъ:
О вѣчной жертвѣ, вѣрѣ безпредѣльной,
Когда народъ былъ мудръ и златоустъ.
И вотъ опять я сказкой околдованъ,
Опять вхожу въ волшебные врата
И вѣрю, какъ Горынычъ былъ закованъ,
Какъ вѣдьма-смерть въ темницу заперта...
Какъ безъ героевъ нѣтъ и государства,
Какъ нѣтъ и праздниковъ безъ звонарей,
Какъ не бываетъ радостей безъ царства,
Какъ сказокъ не бываетъ безъ царей;
Какъ жизнь людей въ чужихъ краяхъ плачевна,

Коль не живетъ въ нихъ добрая царевна,
Коль сказочный царевичъ на лихомъ конѣ
Не ловитъ птицъ, не тлѣющихъ въ огнѣ...
О, сказка-быль, досуга плодъ свободный.
Кому твой безобидный сказъ не милъ?
Въ тебѣ мы слышимъ голосъ всенародный,
Святую древность богатырскихъ силъ...
И такъ, я грежу вновь о сказкѣ милой
И пѣснь-мечта, душа минувшихъ славъ,
Несетъ меня съ неотвратимой силой
Въ былинный градъ, въ грядущій Златоглавъ.
На вѣщихъ струнахъ новые Баяны
Вновь пропоютъ о радостяхъ земли,
И новые примчатся Еругланы,
Чтобъ вѣдьмы старыя на вѣкъ ушли.

. . . . .

Пока Царевнѣ, съ нѣжною заботой
Мы уготовимъ новый, слезный путь,
Я бы сказалъ, съ какою неохотой
Пытаюсь я васъ сказкой обмануть.
Вѣрнѣй — я самъ ищу благихъ обмановъ
И вотъ съ тоскою за перо берусь,
Чтобы изъ тьмы удушливыхъ тумановъ
Сказать вамъ слово про Царевну—Русь.
Про ту Царевну—Русь, которой нѣту,
Которая въ надмірной пустотѣ,
Или разсѣялась по бѣлу свѣту,
Иль можетъ быть распята на крестѣ.
Но для меня она неистребима
И духъ ея, какъ цѣлый свѣтъ, великъ.
Въ несчастіи своемъ, какъ мать, любима
И вѣчно юнъ ея иконный ликъ.

Любить ее — удѣла нѣтъ святѣе,
Нѣтъ цѣли жизни внѣ ея границъ
И всѣхъ плѣнительнѣй моя затѣя —
Слезою оросить цвѣтеніе страницъ.

. . . . .

И кто-же изъ сыновъ отчизны грѣшной
Не преисполнится печалью безутѣшной,
Коль сто племенъ и дома всѣ бездомны, —
Стоятъ надъ бездною чужихъ грѣховъ;
Когда ихъ скорбь и ужасы бездонны,
Какъ тьма безплодія и смерть вѣковъ...
Кто можетъ замолить великій грѣхъ,
Какихъ разбойниковъ благоразумныхъ,
Допуститъ Богъ просить за всѣхъ?
И кто-же образумитъ неразумныхъ,
Чья искупительною будетъ кровь,
Чтобъ миръ и правда царствовали вновь?..
И только Ты, Чье Имя вѣчно свято,
Чья Жертва пламенемъ любви объята,
Разсудишь праведно удѣлъ нашъ грѣшный
И прекратишь нашъ адъ кромѣшный...
О, помоги, чтобы Святая Русь очнулась
И на грѣхи свои смиренно оглянулась!..

. . . . .

Царевна Русь! Какъ свято это слово! —
Сосудъ надеждъ и чистоты державной,
Проходишь скорбно ты во тьмѣ безславной,
Среди безвременья, неслыханно-лихого...
Падешь-ли жертвою, замученной жестоко?
Взойдешь-ли новою звѣздой Востока?
Да будетъ Божій Судъ къ тебѣ безгнѣвенъ!

Да будетъ искупительною Чаша!
Да станетъ бѣлый свѣтъ для всѣхъ сугрѣвенъ
И Домомъ Божіимъ отчизна наша!

* * *

II

ВЪ СТРАНѢ УСЛАДЪ

Въ странѣ Усладъ, гдѣ жизнь — одна улыбка,
Гдѣ дикій лѣсъ, да тишь, да зыбь озеръ
Гдѣ малая серебренная рыбка
Рисуетъ на водѣ тинственный узоръ,
Гдѣ рыбій всплескъ на глади водъ чудесенъ,
Гдѣ слышны голоса лишь птичьихъ пѣсенъ,
Гдѣ жизнь, какъ сонъ, какъ сказка, какъ мечта —
Жила-была Паревна—Красота.

. . . . .

Быть можетъ тамъ когда-то въ складкахъ леты
Укрылась навсегда монашеская скорбь
Иль въ тѣхъ водахъ завѣковали гдѣ-то
Русалки нѣжныя до свѣтлыхъ зорь...
Но тише! Не тревожь гладь водъ напрасно
Дырявымъ дномъ разбитаго челна.
Здѣсь все погружено въ лазурь безгласно
И жизнь дерзнувшаго обречена.
Здѣсь даже эхо тихо-безотвѣтно...
Но припади въ дубравахъ непримѣтно,
Когда усыпанъ звѣздами небесный сводъ
И посмотри на островъ, надъ лазурью водъ,

И ты увидишь тамъ нездѣшній свѣтъ,
Какого даже въ звѣздномъ мірѣ нѣтъ...
Тамъ день идетъ, какъ вѣстникъ величавый,
Отъ утра къ вечеру лазурною тропой.
Отъ счастія въ глазахъ Царевны—Славы
Слеза дрожитъ звѣздою голубой.
И радость утра юная Услада
Смѣняетъ вечеромъ въ молитвенную грусть,
Когда горятъ надмірныя лампады
Далекихъ звѣздъ и солнцъ, и молитъ: "Пусть
Всегда горятъ онѣ подъ небесами,
Но, Господи, моленью моему внемли:
Да ниспадутъ онѣ жемчужными вѣсами,
Чтобъ взвѣсить всѣ грѣхи и подвиги земли!"

. . . . .

...Встрѣчая зори утра и заката,
И озирая даль синѣющихъ долинъ,
Въ чертогѣ облачномъ, въ лазурь-палатахъ,
Жила-была Царевна—Властелинъ.
Сегодня, какъ вчера, съ восходомъ солнца,
Когда весь кругозоръ и тихъ, и пустъ,
Царевна уже смотритъ изъ оконца
И первый лучъ горитъ въ улыбкѣ устъ.
Въ наклонѣ лика — кротость умиленья
И устремляются къ ней сонмы слугъ:
Законъ ихъ жизни — радость угожденья, —
Царевна имъ сестра, и мать, и другъ.
Но почему грустна она сегодня?
Безсонницей не смятъ ночной нарядъ...
О чемъ грустить любимица Господня?
И отчего въ слезахъ невинный взглядъ?
Кто потревожилъ царственныя мысли.

Что ликъ Царевны поблѣднѣлъ слегка?
Какія облака надъ ней нависли,
Что къ яствамъ не притронулась рука?
Впервые то случилось въ царствѣ Грезы —
Царевна провела всю ночь въ бреду.
Впервые пролила Услада слезы
И лебеди тоскуютъ на пруду.
Напрасно серны къ ней пришли съ привѣтомъ.
Напрасно птицы дивный гимнъ поютъ.
И въ цѣломъ царствѣ, радостью согрѣтомъ,
Печаль нежданная нашла пріютъ.

. . . . .

Надъ царствомъ высится, какъ храмъ лазурный.
Небесный сводъ — узоры изъ зарницъ;
А у подножія просторъ безбурный,
Кругъ замкнутый — всѣхъ странъ и всѣхъ границъ.
Передъ Царевной міръ — коверъ цвѣтистый.
Причудливою тканью лежатъ поля,
Сверкаютъ рѣки радугой лучистой;
Озернымъ бисеромъ украшена земля.
Здѣсь изумрудъ лѣсовъ, тамъ гладь пустыни.
Тамъ горныхъ кручъ дружина залегла
И всюду кротко теплятся святыни —
Церквей-обителей златые купола.
Тамъ синева Карпатъ, здѣсь Альпы близко.
А тамъ Уралъ, а тамъ снѣга Алтая,
И самъ Памиръ склонилъ предъ нею низко
Свою главу... И даже Гималаи,
Какъ старые друзья стоятъ вдали —
Такъ сказочно просторы залегли...
Но что съ нашей Царевною случилось?
Какою тучей солнышко покрылось?

И почему на тронъ, въ широтахъ міра,
Она взошла не властною царицей,
А слабою, подстрѣленною птицей —
Едва влача священную порфиру?..

* * *

III

КОЛДУНЪ

Священна власть, когда она отъ Бога...
Но горе всѣмъ владыкамъ и царямъ,
Когда верховной власти хоть немного
Довѣрено пролазамъ и псарямъ.
Не то, что всякій псарь царю не вѣренъ, —
Есть и псари, достойные наградъ,
Но здѣсь не псарь, — мудрецъ высокомѣренъ,
Совѣтникомъ былъ при дворѣ Усладъ.
Не льстецъ-хитрецъ, не воръ и не болтунъ,
Всегда безъ сна на стражѣ, ночь и день,
Былъ онъ, однако-же, большой колдунъ...
И вотъ предсталъ, какъ темной ночи тѣнь.

. . . . .

Въ державѣ той, какъ и въ любой державѣ,
Былъ свой особый, дѣловой укладъ,
Когда Царевнѣ о гражданской справѣ
Глава-правитель подавалъ докладъ.
Не даромъ мрачная тоска томила
Всю эту ночь, какъ первый черный страхъ:
Какъ будто страшный великанъ-горилла
Хотѣлъ напасть и растерзать въ горахъ.
Вотъ почему, въ великомъ нетерпѣньи,
Она главу правленія ждала:

Онъ страхъ ея разсѣетъ безъ сомнѣнья...
Но страшенъ былъ защитниковъ глава!
Какъ будто маска на лицѣ кумира,
Любимца толпъ, держателя основъ...
Какъ будто потряслись основы міра.
Такъ вотъ она, разгадка вѣщихъ сновъ!

. . . . .

Дрожащимъ голосомъ, съ мольбою,
Съ огнемъ, сверкающимъ изъ темныхъ глазъ,
Не въ силахъ болѣе владѣть собою,
Онъ не сказалъ, а взвылъ на этотъ разъ:
"Прости! Я больше не мудрецъ великій,
Я не достоинъ собственныхъ сѣдинъ...
Я жалкій твой холопъ, бродяга дикій,
Отверженный отъ вѣка блудный сынъ!..
Ты вѣрила, что я мудрецъ и геній,
Что я апостолъ правды и добра...
Нѣтъ, я слуга земныхъ грѣхопаденій,
Я рабъ пороковъ, злата и сребра.
Такъ овладѣлъ мной Змѣй, тиранъ планеты,
Всѣхъ слугъ его безжалостный мучитель...
И нѣтъ покоя мнѣ, спасенья нѣту:
Ты знать должна — передъ тобой губитель
Всѣхъ свѣтлыхъ и божественныхъ началъ.
Я ихъ безжалостно въ зачаткѣ поражалъ.
Я угашалъ святую правду Божью,
Я воздавалъ не тѣмъ, кто заслужилъ.
Такъ истину я возвеличилъ ложью
И зломъ добро повсюду замѣнилъ.
Изъ вѣка въ вѣкъ подвластны мнѣ народы...
Ихъ благо всюду насаждалъ мой бичъ.
Ихъ рабской кровью добылъ я свободу,

Дабы свободнѣй былъ мой властный кличъ.
Я презиралъ слугу, какъ хама
И прочно строилъ каторгу рабу.
Трудами нищаго воздвигъ я храмы
И миръ готовилъ для него въ гробу."

. . . . .

Безмѣрна боль нѣмыхъ вопросовъ
Царевны, пораженной силой зла...
Такое покаянье сына Россовъ
Сжигало всѣ желанія до тла.
Что это? Низкій царедворца страхъ?
Подвохъ-ли новый и безчеловѣчный?
Рѣшенье-ли покаяться въ грѣхахъ
Съ открытымъ мужествомъ, чистосердечно?
Или слѣпое трусости движенье,
Когда князь зла влечетъ въ пучину ада,
Когда, у пропасти уничтоженья,
Погубленной душѣ ужь ничего не надо?
Но злой Колдунъ не чуялъ искупленій
За смертный грѣхъ, какого міръ не зналъ —
Тягчайшее изъ тяжкихъ преступленій...
И исповѣдь со вздохомъ продолжалъ:
"Такъ міръ для всѣхъ людей сталъ мѣстомъ лобнымъ,
Взаимоистребленіемъ утробнымъ,
Открытымъ кладбищемъ для благородства.
Для свѣтлыхъ дѣлъ темницею уродства...
И сталъ мнѣ бѣлый свѣтъ на-вѣкъ постылъ,
Ибо творить добро я не имѣю силъ!..
Какая скука — сѣять безъ надежды, —
Когда уроды служать красотѣ,
Когда законы знанія творятъ невѣжды,
Когда всѣ молятся бездушной пустотѣ..."

“Кощунствуешь!” — воскликнула Царевна.
“Я все кляну!” — взревѣлъ онъ на нее.
И взглядъ его метнулся къ небу гнѣвно:
“Доколѣ-же Онъ терпитъ зло мое?
Зачѣмъ щадитъ врага въ борьбѣ неправой?
Зачѣмъ въ предѣлахъ твоего двора
Преступность покрывается со славой?..
Познать всю истину тебѣ пора!..
Все кончено съ судьбою человѣка...
На край погибели пришелъ весь свѣтъ:
Никто не могъ помочь ему отъ вѣка —
Ни Будда, ни Христосъ, ни Магометъ!..
Но я передъ тобою отвѣчаю —
Тебѣ злой жребій вынуть суждено:
Всю міра скорбь тебѣ одной вручаю —
Великихъ жертвъ ничтожное зерно!..”
И онъ прибавилъ глухо и сурово
Еще одно убійственное слово...

. . . . .

Бѣла, какъ снѣгъ, недвижна и безмолвна,
Неумолимо-царственно строга,
Царевна слушала слугу верховна,
Досель невѣдомаго ей врага...
Какъ первый громъ надъ малой пташкой Мая,
Какъ смертный градъ надъ нивой трудовой,
Все на пути своемъ испепеляя,
Пронесся смерчъ надъ грезой золотой.
Змѣею зло ужалило Усладу,
Все царство змѣемъ облегло...
Кого молить, кто можетъ дать пощаду,
Когда вокругъ владычествуетъ зло?
Послѣднее признанье колдуново,

Какъ пламя адово въ душѣ горитъ..
О, жуткое, неслыханное слово:
"Послѣднiй Русскiй, Бѣлый Царь убитъ!"
И огненной волной святого гнѣва
Наполнилась невинная Услада.
Съ угрозой властною Царевна—Дѣва
Спросила страшнаго посланца ада:
"Какъ смѣлъ прiйти ты съ вѣстiю такою?
Какъ мiръ посмѣлъ содѣять это зло?
Какъ смѣешь самъ ты быть передо мною?
Какъ смѣетъ солнце свѣтить такъ свѣтло?"
"Я предъ тобой, какъ тѣнь земныхъ хотѣнiй.
Я — быль, украшенная небылицей,
Но въ яркiй день чернѣе призракъ тѣни —
Вездѣ я поползу твоей темницей!"

. . . . .

Но старика замѣтно покидала сила.
Онъ помолчалъ и досказалъ уныло:
"Убитъ не только Бѣлый Русскiй Царь,
Убиты всѣ: царица, всѣ царевны...
И, кажется, царевичъ-государь!.."
"Царевичъ?!" — вскрикнула она напѣвно,
И эхо первое здѣсь прозвучало,
Тоскливо облетѣло небосводъ,
Безмолвiемъ всѣ радости сковало,
Откликнулось во всѣхъ глубинахъ водъ.
И въ нѣдрахъ горъ грозою отдаленной.
И въ буйныхъ вѣтрахъ пѣсней похоронной.
И на просторахъ снѣжною мятелью,
И на лугахъ пастушеской свирѣлью,
И въ глубинѣ взыскующихъ сердецъ...
Все царство облетѣлъ тоски гонецъ.

* * *

IV

ПЛАЧЪ ЦАРЕВНЫ

Ни синь небесъ, ни звуки пѣсенъ майскихъ,
Ни солнца лучъ, ни воды съ бирюзой,
Усладу не зовутъ красою райской —
Улыбка глазъ углублена слезой.
Идетъ она къ прудамъ и въ глубь забвенья
Роняетъ слезы жемчугомъ отборнымъ...
И лебеди и рыбы съ изумленьемъ
Сплываются къ тѣмъ дивнымъ зернамъ...
Идетъ она въ лѣса и тамъ вздыхаетъ,
И снова начинаетъ слезы лить
И все звѣрье и царство птицъ сзываетъ,
Чтобъ скорбный плачъ со всѣми раздѣлить.
На грудь къ ней сѣла горлица лѣсная
И съ грустью довѣрительно сказала:
"Орлица моего супруга растерзала..."
О птичьей жалобѣ совсѣмъ не зная,
Къ ней подползла древесная козявка
И, приподнявши крылышки, пропѣла:
"Моихъ склевала дѣтокъ горлица-лукавка..."
И дерево сухое проскрипѣло:
"Козявки источили мое тѣло...
Такая тля, а вотъ — убить сумѣла!"
Медвѣдь пришелъ съ распухшей мордой, рыжій

И жалобу принесъ на пчелъ безстыжихъ:
"Изжалили всего" — ворчалъ дѣтина:
"Для нихъ — весь медъ, а мнѣ — одна малина!..
Нѣтъ правды никакой на свѣтѣ!..
И у меня, вѣдь, маленькія дѣти..."
Но поболтать и міръ честной послушать,
Приковылялъ безногій мухоморъ:
"Отъ насморка, слышь, хорошо откушать
Грибного табачку... Сказать отрадно:
Мои тутъ гномы, — а ихъ большой соборъ, —
Отъ всѣхъ хворобъ — нюхнуть, чихнуть и ладно...
У насъ, признаться, тутъ житьишко хоть куда!
Живешь во всю и умеръ — въ усъ не дуешь...
Не то, что вы купцы да господа, —
Не бойсь и ты грибками-то торгуешь?..
Да, да, народишко чегой-то возгордился.
А жить бы да благодарить Христа!
Такъ, мила дочь, грибная жизнь проста —
Сегодня умеръ, завтра возродился."

. . . . .

"Сегодня умеръ — завтра возродился..."
Какъ милъ этотъ безногій самъ!
Воистину — міръ бѣдный возгордился
И вотъ примѣръ великимъ мудрецамъ...
И много тропъ по лѣсу исходила
Царевна одинокая, въ тоскѣ.
Хвоя цѣлительно смолой кадила.
Царевна Грезъ вздремнула на пенькѣ.
И видѣла во снѣ: она крестьянка...
Гдѣ-то въ лѣсу, вдали отъ чуждыхъ глазъ,
Часовенка сѣдая на полянкѣ.
Въ ней огонекъ горитъ — святой алмазъ.

Монашекъ сѣденькій свершаетъ бдѣніе.
Въ часовнѣ одиноко, на колѣняхъ,
Печальная боярыня стоитъ,
И трепетно въ рукѣ ея свѣча горитъ,
Въ другой — просвирка, кружевной платокъ,
Скомканный во влагѣ слезъ обильныхъ...
Она недвижно смотритъ на востокъ
И что-то видитъ тамъ въ кругахъ кадильныхъ.
И вотъ она къ крестьянѣ обернулась.
Приподняла свой дымчатый покровъ
И, осушая слезы, улыбнулась
Улыбкой робкою, просящею безъ словъ.
Крестьянка видитъ — передъ ней царица,
Государыня россійская стоитъ
И со слезами радости ей говоритъ:
“Никто не захотѣлъ со мной молиться
Никто не могъ частицу раздѣлить
И хоть одну слезу за сына моего пролить.”
И часть просвирки подала дѣвицѣ,
Признательно взглянула на нее
И молвила устами голубицы:
“Теперь исполнится желаніе мое...”
Крестьянка до земли ей поклонилась
И на пенькѣ, проснувшись, очутилась.
Забыла все: свой замокъ, санъ высокій,
Лазурный тронъ, волшебный прудъ глубокій,
И сонмы грезъ и безпечальность сна, —
Пріявши скорбь — очеловѣчилась она.
И только утромъ, по росѣ холодной,
Пришла къ дворцу, усталая, украдкой,
И отъ касанія руки ея свободной,
Въ дворцѣ все становилось страшною загадкой.
Все замерло кругомъ въ оцѣпененьи

И замокъ сказочный сталъ мраченъ и не милъ...
Покинулъ-ли Колдунъ бразды правленія
Иль чарами отчаянья затмилъ?
И вновь ушла, не зная или зная,
Куда идетъ, зачѣмъ и почему...
И стала всему прошлому чужая,
Надѣвши странницы убогую суму.
Но въ опустѣвшемъ замкѣ поселилось
Тоскующее эхо — плачъ напѣвный,
Во всѣ края призывомъ разносилось
Молитвой, панахидою вседневной.
И слышалъ его всякъ во снѣ и наяву:
"Ау! Ау! Ау! Царевича зову."

* * *

V

ЦАРЕВНА—СТРАННИЦА

Въ платочкѣ черномъ, скрывшимъ смоль бровей,
Въ нарядѣ скитскомъ, въ поянскѣ тесемкой,
Крестьянка бѣдная, во цвѣтѣ дней,
Бредетъ сугорбленная подъ котомкой.
Идетъ она въ Восточныя Нагорья
Изъ древне-праведныхъ скитовъ Поморья,
Идетъ по травамъ русскаго безбрежья,
Христовымъ Именемъ къ святымъ мѣстамъ.
Вокругъ все та-же глушь, пустынная, медвѣжья...
Деревни сѣрыя то тутъ, то тамъ.
Святая грусть въ глазахъ ея покорныхъ,
Печаль томитъ: народъ родимый боленъ:
Ужъ не блестятъ кресты церквей нагорныхъ,
Разбиты башни древнихъ колоколенъ.
Печать унынія на всемъ легла.
Потухъ неугасимый свѣтъ лампадъ.
Молчатъ угрюмо всѣ колокола.
Могло-ли это быть въ странѣ Усладъ?..

. . . . .

...А міръ великъ, въ міру — еще темнѣе,
Еще многоболѣзнѣе обиды,

Еще бездомнѣй, нежели въ лѣсу...
Куда ни постучись — вездѣ тревога,
Во всякой хижинѣ своя потеря:
Тамъ сына увели... Тамъ мать убили —
За то, что дочь родную укрывала...
Тамъ самъ отецъ въ неволю заточенъ...
Всѣ противъ всѣхъ и каждый противъ брата,
Всѣ виноваты, сиры и убоги,
Всѣ точатъ ножъ на бѣдныхъ и богатыхъ
И всѣ богатства предаютъ огню.
И каждый рабъ рѣшилъ стать господиномъ,
А каждый господинъ прикинулся рабомъ...
Кого жалѣть и за кого молиться?
Кого спросить о дорогой потерѣ?
Кому повѣдать таинство души?..

. . . . .

О, сколько ихъ такихъ-же одинокихъ,
Безмолвно ищущихъ любимыхъ и родныхъ,
Исчезло безъ слѣда въ пучинѣ смуты,
Въ могилахъ неизвѣстныхъ полегло.
И все-таки несла свой крестъ исканій
Крестьянка юная, Царевна Вѣры,
И, наконецъ, нашла кровавые слѣды...
Поморка юная зашла случайно
Подъ кровъ простой лѣсного зимовья,
Но вмѣсто мирнаго дорожнаго пріюта
Нашла глухой разбойничій притонъ...
И здѣсь увидѣла, какъ въ морѣ хмеля
Народъ топилъ свой грѣхъ и честь и разумъ,
Какъ онъ творилъ здѣсь страшную расправу.
Здѣсь слышала она: "Долой Россію!.."
И здѣсь-же раздалось въ упоръ разстрѣлу:

"Да здравствуетъ престолъ царей Московскихъ!"
И тутъ-же въ споръ пьяныхъ лиходѣевъ,
Пришедшихъ пропивать добро чужое.
Среди тупыхъ, неслыханныхъ глумленій,
Произнеслись слова: — "Егорьевъ крестъ..."
"Да ты слыхалъ ай нѣ, чего толкую?.."
"А не слыхалъ и слухать не желаю:
Хресты теперь въ запретѣ... Водка — дѣло!.."
"А я тѣ говорю: што хрестъ-то царскій!..
Съ груди, слышь, самого убитаго Миколы."
"Миколы?.. Га!.. Вотъ я тѣ, падло, къ стѣнкѣ!.."
Но пьяный всталъ и взвизгнулъ съ плачемъ:
"Охъ, гнусь!.. Разграбили каку державу!.."
А самъ скосилъ глаза на крестъ съ упрекомъ:
"Егорій!.. Эхъ!.. Видать ты сплоховалъ...
Не твердый ты, выходишь, генералъ!.."
И съ горя онъ рѣшилъ Георгія пропить.
Но не хотѣлъ никто принять креста —
Во тьмѣ паденія онъ ранилъ совѣсть...
Лишь незнакомка робко подошла —
И всхлипнулъ падшій воинъ виновато:
"Дѣваха!.. Што-нибудь подай за Сивку!.."
И воровски солдатская рука тряслась,
Когда на грудь Поморки приколола
Знакъ доблести, эмблему русской славы...
Такъ, изъ грѣха кабацкаго былъ поднятъ
Священный знакъ и мужества и чести
И многовѣковыхъ отеческихъ побѣдъ.
Какъ чудо новое, какъ сила свыше —
Георгіевскій крестъ повелъ Царевну
Къ стезямъ инымъ, къ инымъ ея скорбямъ.

. . . . .

Путемъ-дорогою идетъ Поморка,
Путемъ исхоженнымъ народомъ русскимъ,
Что по Владимiркѣ тащилъ оковы,
Въ Сибирь далекую, въ страну снѣговъ,
Куда когда-то Царь Благословенный
Прiять свой подвигъ скитника ушелъ...

. . . . .

"Слухъ идетъ въ народѣ, будто Бѣлый Царь
Скрылся, какъ и прадѣдъ, въ потайномъ скиту...
И никто не вѣритъ, также какъ и встарь,
Въ царскую погибель, въ смерть и пустоту...
Но уста закрыты, всѣ должны молчать —
Вмѣсто воли — рабства скорбная печать...
Всюду свищутъ пули, выстрѣлы: трахъ, трахъ!..
Съ красною печатью бродитъ дикiй страхъ,
Брызжетъ свѣжей кровью въ каждую избу,
Каждый темной ночью ждетъ свою судьбу...
Застываетъ въ страхѣ каждое лицо —
Русь объяло смерти пламенной кольцо...
Вмѣсто воли — пуля, вмѣсто хлѣба — штыкъ,
Чтобы къ пыткамъ каждый гражданинъ привыкъ..."

. . . . .

...Много скорбныхъ истинъ странница познала,
Много жуткихъ воплей въ нѣмотѣ людской...
Не исчислить скорби въ праведномъ терпѣньи,
Слезъ въ глазахъ молящихъ, брани озорной,
Злобы непощадной, смѣха черезъ слезы
И безсчетныхъ казней, казней безъ суда...
Всюду кровь и стоны, голодъ — царь лютой...
Что-же происходитъ на Руси Святой?
Какъ раскаты грома былъ отвѣтъ суровый —

Сказъ кровавый матушки земли сырой:

"На рубежѣ искушенныхъ столѣтій,
У порога великихъ и грозныхъ временъ,
Безъ малаго двадцать вѣковъ спустя
Послѣ распятія Іисуса Христа, —
Благовѣрнаго государя, царя
Христіанской великой Россіи,
Со всею августѣйшею семьею,
Короной мученической кончины
Вѣрноподанный его народъ вѣнчалъ...
А потому свершается судъ правый,
Судъ Божій, грозный и величавый,
Надъ Всероссійской грѣшною державой..."

* * *

VI

ИСКУШЕНІЯ ЦАРЕВНЫ

Куда еще идти, искать напрасно
Былые отблески въ глуши пустынь,
Когда огни надеждъ вездѣ угасли
И потрясены твердыни всѣхъ святынь?..
Но вотъ Царевна, по тропѣ долинной,
Дошла до горной пропасти пустынной,
Гдѣ не было ни птицъ и ни зеленыхъ травъ,
Ни полевыхъ цвѣтовъ, ни шепота дубравъ.
Но пепломъ землю буря замела...
Здѣсь шахтъ заброшенныхъ зіяетъ пасть
Здѣсь были сожжены священныя тѣла...
Здѣсь Русь цареубійцъ должна проклясть.
Дрожа отъ ужаса и слезъ безсильныхъ,
Царевна преклонилась до земли
И увидала на камняхъ обильныхъ
Слѣды кровавые въ сѣдой пыли...
Внизу потокъ ручья по камнямъ скачетъ.
И показалось ей, что кто-то плачетъ
Поблизости, какъ будто подъ землею...
Царевна оглянулась: горный лѣсъ пустой,
Хрустнули сухія вѣтки подъ ногою
Да вѣтеръ зашуршалъ пожехлою листвой...
Но плачъ опять, какъ эхо, повторился,
И, удаляясь въ лѣсъ, Царевну поманилъ:

Какъ будто гдѣ-то отрокъ заблудился
И лѣсъ пустой призывами будилъ.
Царевна юная, въ порывѣ жгучемъ,
Свершая надъ собою знакъ креста,
Тревожно мечется въ лѣсу дремучемъ...
Склонилась надъ ручьемъ, чтобъ охладить уста,
Но видитъ впереди скалу гранита,
А на скалѣ — распластанный орелъ...
Румянцемъ залились ея ланиты:
Орелъ родной, могучій и двуглавый,
Но участь скорбную онъ здѣсь обрѣлъ.
Тяжелъ былъ путь его изъ дальныхъ странъ —
Стрѣла въ груди. Сочилась кровь изъ ранъ.
И вымолвилъ орелъ слова, какъ стоны:
"Я долженъ здѣсь погибнуть безъ короны,
Но я все тотъ-же символъ русской славы,
Великой и святой твоей державы...
Жестокъ теперь Святой Руси удѣлъ,
Но я тебя одну найти хотѣлъ,
Чтобы сказать: не потеряй креста!..
Не быть Руси безъ помощи Христа!"
Орелъ замолкъ... Померкли очи славы.
Закрылся клювъ; на грудь поникли главы...
Царевна близко подошла къ орлу,
Изъ теплой раны вырвала стрѣлу,
Въ сосудъ воды прозрачной налила,
Омыла рану мертваго орла...
Но всѣ усилія были безсильны
Передъ всесильной волею небесъ.
Иное назначеніе святыхъ чудесъ.
Лишь Воля Божья милостью обильна.
И вспомнила Царевна о Царицѣ
И о крестѣ, ей посланномъ въ пути.

Въ тѣни деревъ, у тѣла мертвой птицы,
Въ смятеньи и душевной битвѣ,
Она простерлась въ трепетной молитвѣ
Съ крестомъ Георгія у дѣвственной груди.
Впервые не Царевна — Божія раба —
Смиреннымъ былъ ея земной поклонъ...
И вдругъ все погрузилось въ дивный сонъ:
Предъ ней возникла грозная борьба.
Вздымая вихри мощными крылами,
Двуглавый ожилъ и взлетѣлъ... И диво!
Откуда-то передъ ея очами
Явился Всадникъ на конѣ ретивомъ;
А передъ Всадникомъ, въ нарядѣ гада,
Въ змѣиной чешуѣ — исчадье ада,
Съ угрозою протягивало жало
И въ страхѣ бѣлаго коня держало.
Какъ молнія вздыбилъ надъ Змѣемъ конь...
Копьемъ разитъ Георгій, Воинъ Храбрый,
Но Змѣй живучъ, дыханіе — огонь,
И расширялись пламенныя жабры...
Такъ бился Змѣй, невинныхъ пожиратель,
Драконъ—Горынычъ, черныхъ силъ держатель...
И въ тотъ-же часъ изъ-за деревъ предѣльныхъ
Отчаянья донесся крикъ свирѣльный.
Какъ будто тамъ надъ жертвою Драконъ
Неумолимый совершалъ законъ.
Но битва съ нимъ упорно длилась —
Вотъ уже солнце за гору спустилось.
Какъ свѣтлый лучъ разитъ тьму грозной тучи, —
Георгій дѣйствовалъ своимъ жезломъ.
Всѣ мужества лишь тѣмъ всегда могучи,
Что смѣло борятся съ неравнымъ зломъ.

. . . . .

Вотъ, наконецъ, въ пылу послѣдней схватки,
Горынычъ, пятясь, явно ослабѣлъ,
Но сатанинскія хитры ухватки,
Онъ искусить Царевну захотѣлъ...
Онъ наступалъ на отрока больного,
Прекраснаго, но въ рубущѣ убогомъ,
Съ чертами мертвеннаго страха на лицѣ.
Пусть поразитъ ее въ глухомъ земномъ концѣ
Вотъ этотъ ликъ изъ рода Мономаха.
Надъ отрокомъ Георгій простеръ жезло,
Чтобъ чудище его похитить не могло.
А Змѣй—Горынычъ, пользуясь заминкой,
Прикинулся лихою невидимкой
И ускользнулъ отъ новаго удара,
Чтобъ стать огнемъ всемірнаго пожара...
И капля крови на стальномъ щитѣ,
Расширилась и стала моремъ крови...
И не увидитъ міръ цвѣтущей нови,
Но раскаленной уподобится плитѣ...

* * *

VII

ЦАРЕВИЧЪ

"Всегда—ли сказка — плодъ мечты досужей?"
Однажды разумъ у мечты спросилъ.
Мечта отвѣтила: "А суетная быль не хуже-ль?
И вымыселъ — не вѣстникъ-ли безплотныхъ силъ?"
Случается — и въ сказкѣ быль бываетъ.
Какъ жизнь бываетъ тоньше грезъ и сна,
Какъ зовъ молитвы свѣтомъ согрѣваетъ,
Такъ сказка смысла и значенія полна...
Не все-ль равно: Царевна-ли начаровала
Или крестьянка вымолила у Христа,
Но радость и печаль она познала,
Познаетъ и несеніе креста...

. . . . .

Мечтой Царевны былъ — Руси святой вѣнецъ...
И вотъ Царевичъ!.. Какъ онъ слабъ и блѣденъ,
Какъ онъ униженъ и какъ бѣденъ,
Въ пятнадцать лѣтъ — испытанный мудрецъ.
"Мой юный братъ! Что смотришь такъ сурово?
Открой уста, поговори съ сестрицей,
Скажи мнѣ хоть одно живое слово —
Ты мнѣ порученъ матерью-царицей!.."
Глаза Царевича молитвенно возэрились

На ликъ Георгія, не зная, что сказать
И снова, въ ожиданіи, закрылись.
Небесный Воинъ снялъ молчанія печать.
Давно замолкшія вдругъ дрогнули уста
И рѣчь Царевича была проста:
"Я былъ въ небытіи..." — сказалъ устало.
"Я жилъ рабомъ среди рабовъ голодныхъ.
Гдѣ сытое приволье сказкой стало,
Гдѣ больше нѣтъ людей свободныхъ;
Гдѣ все во власти мрака и растлѣнья,
Гдѣ запечатаны всѣ добрыя слова,
Гдѣ въ пламени погибли всѣ растенья,
Гдѣ кровью орошается трава,
Гдѣ брата предаютъ и друга проклинаютъ,
Гдѣ, вмѣсто Бога, къ сатанѣ взываютъ,
Гдѣ за надежду смертью наказуютъ,
Гдѣ даже избранныхъ казнятъ безславно,
Гдѣ Голодъ—Царь нещадно истязуетъ
Всѣ племена, съ которыми недавно
Подъ небомъ родины молился мой отецъ...
За то и принялъ мученическій вѣнецъ..."

. . . . .

Царевичъ, какъ орленокъ, встрепенулся
И на Царевну зорко оглянулся:
"Мой царь-отецъ послалъ меня къ народу,
Чтобъ я познаъ всю скорбь его безъ мѣры.
Чтобъ я извѣдалъ рабство и свободу
И испыталъ бы крѣпость Русской Вѣры...
И я узналъ, какіе лицемѣры
Подчасъ служили русскому царю...
Я самъ за нихъ въ огнѣ стыда горю.
Никто иной, это они шептали

Хулу, и на народъ, и на царей;
Это они неправдой расшатали
Русь, кованную подвигомъ богатырей.
Это они вѣками распинали,
И правду Божью, и любовь Христа...
Теперь они-же первые познали,
Куда идетъ Россія безъ креста.
Но истина едина и строга, —
Возмездіе неумолимо судитъ:
Когда не распознали друга отъ врага —
Врагъ побѣдителемъ навѣрно будетъ..."

. . . . .

Раскаты грома прокатились гдѣ-то.
Царевичъ рѣчь свою на мигъ прервалъ.
"Всѣхъ вѣрныхъ подъ знамена свѣта
Собрать мнѣ Императоръ приказалъ.
Всѣхъ воиновъ, кто не забылъ значенья
Когда-то ими принятой присяги,
Собрать въ безчисленныя ополченья
Подъ древне-русскіе святые стяги.
И милость Божія свершается на мнѣ:
Какъ не дивиться мнѣ святому чуду? —
Святой Георгій здѣсь, на боевомъ конѣ,
И вѣренъ Рыцарю во-вѣки я пребуду!"

. . . . .

На небѣ новый громъ и — пламенемъ зарницъ,
Свѣтъ запредѣльный надъ землей открылся...
Царевна предъ Георгіемъ упала ницъ
И радостью Царевичъ озарился.

. . . . . .

О, называющій себя царемъ природы!
Какъ жалокъ ты, когда ты зло творишь,
Но и тебя минуютъ всѣ невзгоды,
Когда любви хоть каплю сохранишь.
Не каплями-ли дождь живитъ всѣ злаки?
Не въ капляхъ-ли могущество морей?
Не въ звѣздахъ-ли божественные знаки —
Законы свѣта даже для звѣрей?
И какъ ничтожна и смѣшна затѣя —
Разрушить небо, звѣзды угасить
И, въ пламени земного Прометея,
Свой родъ звѣриный истребить!..
Такого-ль, человѣкъ, ты ждалъ конца,
Когда во тьму начался твой возвратъ,
Когда послѣдній Хамъ убилъ отца
И въ океанѣ крови спряталъ Араратъ?..

. . . . .

О, Русь заблудшая, въ твоихъ предѣлахъ,
Не просіяли-ль подвиги святыхъ?
И на землѣ твоей, въ разгарѣ дѣла,
О, сколько было радостей простыхъ!
Не для простыхъ-ли сердцемъ, юродивыхъ,
Господь нечестіе твое терпѣлъ?
Но пробилъ часъ для дѣлъ Его правдивыхъ —
И Божію терпѣнью есть предѣлъ...

. . . . .

Въ молчаньи, думамъ этимъ внемля,
Царевичъ радостно потрогалъ землю.
"Прости мнѣ, Господи, мое дыханье!
Бальзамъ Твой я вдыхаю грудію чужою.
Чужое сердце я ношу съ тоскою...

Но по плечу-ли дано мнѣ заданье?"
Опять настало краткое молчанье
И вѣтеръ задержалъ травы качанье.
"Сестра моя, ты это знать должна, —
Сказалъ Царевичъ сказочной Царевнѣ: —
"Чужою жизнью жизнь мнѣ спасена.
Спасеніе пришло, какъ въ сказкѣ древней...
Среди жестокаго грѣхопаденья
Творились подвиги воистину святыхъ.
Да знаютъ будущія поколѣнья
О дняхъ, вѣнцомъ терновымъ повитыхъ.
Такъ сверстникъ мой свершилъ святой обманъ:
Играючи, съ невинною улыбкой,
Онъ нарядилъ меня въ свой нищенскій кафтанъ
И спасъ отъ казни жертвенной ошибкой.
А самъ вѣнецъ Царевича пріялъ...
Никто объ этомъ никогда не зналъ,
Но такъ свершился подвигъ жертвы новой
За жизнь Царевича и за престолъ...
Такъ избѣжалъ я участи суровой,
Бродяжкою, безъ имени, въ лѣса ушелъ.
Теперь, въ ничтожествѣ, я самъ не вѣрю:
Царевичъ я иль жалкій самозванецъ...
Такъ много испыталъ я въ лапахъ Звѣря,
Такъ долго я былъ просто оборванецъ.
Но видитъ Богъ всю боль моихъ желаній
Объ утолѣніи мірскихъ страданій.
Завѣтъ... Завѣтъ царя я выполнить мечтаю
И громче Самозванца повторяю:
"Тѣнь праотцевъ меня усыновила,
Царевичемъ изъ гроба нарекла," —
Дабы слѣпая вражеская сила
Разрушить наше царство не могла..."

. . . . .

Святой Георгій поднялъ стягъ воздушный
И съ высоты Двуглаваго позвалъ.
Велѣньямъ Рыцаря небесъ послушный,
Орелъ на стражу до восхода сталъ...
Небесный Воинъ, взявъ копье, склонился
На гриву византійскаго коня
И бѣлымъ облакомъ на горы взвился.
Осколки скалъ, какъ факелы огня,
Далекій путь во мракѣ освѣщали
И радость истинную возвѣщали:
"Царевичъ Русскій живъ и будетъ здравъ.
Воздвигнемъ ему Городъ Златоглавъ!.."

. . . . .

Но сказка нашихъ дней — на быль намекъ...
Съ терпѣніемъ Георгій все извѣдалъ.
Всю Русь изъѣздилъ вдоль и поперекъ,
Но Змѣя духъ нигдѣ покоя не далъ.
Повсюду грязь и мерзость запустѣнья.
Насиліе, невѣжество и тупость.
Взаимныхъ ссоръ слѣпое средостѣнье
Иль просто обывательская глупость.
Вчерашніе рабы царя и Бога
Трусливо перешли во вражій станъ.
Къ добру совсѣмъ запрещена дорога,
За-то бездонны муки христіанъ.
Святые всѣ давно ушли на небо,
Всѣ преподобные покинули скиты.
Даже у пахаря нѣтъ корки хлѣба —
По всей странѣ голодные хвосты...
Лишь кое-гдѣ въ лѣсахъ, въ часовняхъ малыхъ,
Молитвенные очаги мерцали
И тамъ остатки воиновъ усталыхъ

О прошлой славѣ тризну совершали.
Во-вѣки такъ: народу не донесть
Его судьбы до радостной зари,
Когда онъ позабылъ свой долгъ и честь —
Кто возглавляли нѣкогда верхи
И на призывъ Георгія были глухи.
И всѣ свои причины выставляли:
Одни народъ безмѣрно прославляли,
Другіе обуздать его клялись,
А третьи просто отъ Россіи отреклись...
Но всѣ сходились на одномъ безславьи:
Разрушить Русское самодержавье!..
Исчезло племя сѣверныхъ Варяговъ;
Никто не поднималъ державныхъ стяговъ
За Родину, за свѣтъ родного очага —
Всѣ стадно отдались во власть врага
И не было нигдѣ священнаго огня...
Со скорбью Георгій повернулъ коня.

* * *

VIII

ТРИ ВИТЯЗЯ

ВОЛШЕБНЫЙ замокъ, парки и пруды.
Послушные мечтѣ, въ одно мгновенье
Придвинулись, какъ сонъ иль навожденье,
Чтобъ отрокъ взялъ правленія бразды.
Но видя ихъ, Царевичъ содрогнулся,
Закрылъ рукой глаза и отвернулся.
И простоналъ съ волненьемъ и тревогой:
"Не прочны и опасны царскія палаты...
Теперь намъ надобно совсѣмъ немного...
Любовью братской будемъ мы богаты!"
И тутъ-же на глухой лѣсной тропинкѣ
Странника онъ увидалъ сѣдого.
Когда-то видѣлъ онъ точь въ точь такого,
И помнитъ гдѣ: на простенькой картинкѣ.
Въ рукахъ у четырехъ сестрицъ-сосѣдокъ
"Федоръ Кузьмичъ, Благословенный предокъ?"
Воскликнувъ радостно, Царевичъ вопросилъ.
И слышала Царевна, какъ Двуглавый
При видѣ старца громко возгласилъ:
"Всепобѣдителю Наполеона, слава!"
Но старецъ съ кроткою улыбкой проронилъ:
"Хваленье Господу Единому въ вѣкахъ."
И посохъ дрогнулъ у него въ рукахъ.

. . . . .

Федоръ Кузьмичъ — былого Александра тѣнь,
Святого подвига великая ступень...
Онъ жилъ здѣсь цѣлое столѣтье,
Никѣмъ незнаемый, въ глухомъ скиту,
Чтобъ дать прiютъ и жизни простоту
Праправнуку на грани лихолѣтья...
И, удалясь со старцемъ въ тихiй скитъ,
Царевичъ позабылъ о робкой ласкѣ
Поморки юной, феи нашей сказки...
Но Двуглавый видѣлъ изъ-подъ облаковъ,
Какъ дремучими просторами лѣсовъ,
Царевна странницею одинокой,
Съ печалью тихой, съ думою глубокой,
Брела къ таинственному замку вновь,
Чтобъ въ немъ замуровать свою любовь...

. . . . .

Земля да просвѣтится чудесами!
Семь дней спустя, дремучими лѣсами,
Гдѣ горы бѣлоснѣжно — высоки,
Въ тиши торжественнаго полнолунья,
По берегамъ необитаемой рѣки,
Въ печали одинокаго раздумья,
Промчался свѣтлый Божiй Генiй.
Онъ былъ на рѣзвомъ бѣломъ скакунѣ.
Узоръ хвои и лиственныя тѣни
Прятали по временамъ склоненный ликъ,
Но въ легкости, въ посадкѣ на конѣ,
Видъ Всадника былъ грозенъ и великъ...
Въ святомъ безмолнiи минуты велики.
Молитвенно затихъ завороженный лѣсъ
И очи звѣздъ были бездонно глубоки.
Вдругъ гимнъ мольбы вознесся до небесъ:

"Спаси насъ, Господи, въ Твоей пустыни,
Обитель древнюю — Россію, сохрани
И всѣ родныя древнія святыни
Щитомъ Георгія Святого осѣни!"
Въ простомъ челнѣ, поодаль, впереди,
Рѣкою плыли трое, въ шлемахъ мѣдныхъ,
Въ кольчугахъ воиновъ, съ крестами на груди —
Три витязя Россійскихъ силъ побѣдныхъ.
Георгій выѣхалъ на мысъ высокій.
Сіяніе луны съ конемъ слилось,
Лампадой запылалъ затонъ глубокій
И пѣніе испуганно оборвалось.
"Смотри, смотри!" — сказалъ въ восторгѣ младшій.
"Господь услышалъ насъ," — промолвилъ старшій.
И, снявши шлемы, истово крестились...
Какъ трубный гласъ пронесся надъ рѣкой:
"Отважнымъ воинамъ привѣтъ и слава!"
И лодка утлая сама пристала
Къ скалѣ высокой, мшистой и крутой.
Три витязя, какъ будто въ сновидѣньи,
Сошли съ челна и земно поклонились
Начальнику Христолюбивыхъ силъ,
А старшій витязь кротко попросилъ
Благихъ его иль грозныхъ повелѣній.
Въ отвѣтъ возлѣ Святого появились
Младого спутника черты и стройный станъ.
И первымъ бросился къ нему Русланъ.
"Откуда, какъ?.. Возможно-ль это снова?
Ужели дни твои остались невредимы?.."
И вновь былъ гласъ заботливо — суровый:
"Дѣла Господни неисповѣдимы..."
И всѣ три витязя, въ порывѣ восхищенья,
Не смѣли вѣрить явному видѣнью...

Они пришли сюда, желаніемъ горя —
Лишь поклониться праху русскаго царя,
А встрѣтили тутъ истинное диво:
Наслѣдникъ живъ!.. Все тотъ-же нѣжный,
Лишь взглядъ сталъ грустный и мятежный;
Бросился на встрѣчу, обнимаетъ,
По имени всѣхъ нѣжно называетъ:
"Всеславъ — надежа! Славный нашъ Русланъ!
И ты Олегъ, князь кіевскихъ предгорій,
Какъ счастливъ я, что васъ Святой Егорій
Призвалъ въ этотъ священный станъ,
Гдѣ вѣрною дружиной служитъ лѣсъ,
Гдѣ столько испытаній и чудесъ...
Вы видите? — Здѣсь Федора святого скитъ;
Здѣсь нашъ орелъ надъ скалами паритъ.
Здѣсь мнѣ отъ плѣна дано избавленье...
Руси отсель начнется возрожденье!
И снова здѣсь, надъ царскою могилой,
Сойдетъ къ намъ Богъ съ непобѣдимой силой...
Святой Георгій въ этомъ намъ порука...
Онъ только что вернулся къ намъ съ пути.
Но на Руси теперь такая скука:
Тамъ воиновъ Христовыхъ онъ не могъ найти..."
Царевичъ оборвалъ разсказъ, запнулся.
На ликъ Святого робко обернулся.
Георгій въ первый разъ сошелъ съ коня
И снявъ сѣдло, стрѣменами звеня,
Пустилъ коня подъ бѣлыя березы.
На лицахъ витязей блеснули слезы...

. . . . .

Безъ словъ — во взорахъ ихъ тревога —
Всѣ пребывали около Святого.

Чтобы вкусить познанья неземного,
Но Свѣтлый Воинъ пребывалъ въ молчаньи...
Безъ словъ возникла бѣлизна шатра,
Но тихое природы созерцанье
Никто не смѣлъ нарушить до утра...
И день насталъ и ночь зарю затмила...
И вновь луна свѣтила изначально —
Святой Георгій прошепталъ печально:
"Прими мольбу мою, о, Силъ Небесныхъ Царь!
Въ сей грозный судный часъ надъ міромъ грѣшнымъ,
Да вострепещетъ всякая земная тварь!.."
И взоромъ грустно-безутѣшнымъ
Скользнулъ онъ по вершинамъ дальнымъ.

. . . . .

Прохладный вѣтерокъ что-то шепталъ соснѣ.
Откушавъ черстваго ржаного хлѣба,
Забылись витязи въ могучемъ снѣ.
Въ лучахъ луны дымокъ струился къ небу
Отъ мирнаго походнаго костра.
Вела свой сказъ рѣка въ просторахъ мглистыхъ.
На шелковой травѣ, въ лугахъ росистыхъ
Гуляетъ бѣлый конь, свободный до утра...
Царевичъ задремалъ подъ пышной елью.
Поодаль, за лѣскомъ, въ убогой кельѣ,
Всю ночь подвижникъ молится безсонно.
Онъ въ длинной и простой рубашкѣ бѣлой,
И надъ сгорбленной фигурой похудѣлой
Ладонъ пихтъ струится благовонно...
Съ высоты гранитныхъ скалъ прибрежныхъ,
Распростерши крылья величаво,
Зорко наблюдаетъ стражъ Двуглавый
За покоемъ далей безмятежныхъ...

Но вотъ, какъ будто гдѣ-то кликнулъ лебедь...
И гдѣ-то цапля плачетъ одиноко,
Пролетая надъ рѣкой глубокой.
А что тамъ свѣтлое плыветъ надъ плёсомъ?
Лебедь бѣлая иль облачко лѣсное?
Иль лунный лучъ скользнулъ крутымъ откосомъ?
Нѣтъ это фея, плавною стопою,
Идетъ надъ лѣсомъ, какъ дыханья паръ.
То вѣстница-ль небесъ, что такъ прекрасна?
Раба-ль земли, — полна пьянящихъ чаръ?
Какъ звѣздные лучи — ея рѣсницы,
Глаза полузакрыты, какъ во снѣ.
Одѣтая чудесною десницей,
Она чиста была, какъ бѣлый снѣгъ..

. . . . .

Вотъ подошла, склонилась къ изголовью —
Царевичъ спитъ... Будить иль не тревожить?
Будить-ли сердце дѣвичьей любовью?
Зажечь-ли кровь, — терзанія умножить?
Подать-ли чару сладостной отравы —
Позвать-ли вновь на тронъ мечты и славы?
Вѣнчать-ли терніями наслажденья,
Короною любовнаго томленья?
Нѣтъ!.. Пусть онъ спитъ сномъ безтревожнымъ,
Пусть онъ заботится лишь о возможномъ,
Но пусть не знаетъ онъ въ душѣ своей
О мукахъ ангеловъ, не принятыхъ землей.
Она склонилась, грустно улыбнулась,
И въ свѣтотканный кутаясь нарядъ..
На витязей уснувшихъ оглянулась
И, поклонясь Георгію, потупивъ взглядъ,
Ушла... И унесла съ собою новый

Вѣнецъ тоски и радости, терновый...

. . . . .

Чуть свѣтъ — заря, Царевичъ пробудился
И взглядъ его на мигъ остановился
На шитой жемчугомъ, серебрянной парчѣ.
Она горѣла въ первомъ утреннемъ лучѣ...
Онъ посмотрѣлъ, прищурившись немножко,
Приблизился, слегка рукой потрогалъ:
Шапка, съ гривною кафтанъ, сапожки —
Все, какъ у княжичей далекой старины —
Какою тонкою рукой смастерены!..
Кто-бъ могъ принесть ему сей даръ чудесный?
Три витязя? Иль кто-то незвѣстный?
Онъ робко взялъ нарядъ, къ рѣкѣ спустился
И тамъ, умывшись, истово молился
И Господа за все благодарилъ.
Какъ новому главѣ россійскихъ силъ,
Всѣ витязи провозгласили: Слава!
И онъ отвѣтилъ кротко-величаво:
"Божіей милостью, Мы объявляемъ:
Отецъ нашъ, государь всея Россіи,
Съ любовью мудрою вручилъ народу,
И скипетръ, и державу, и свободу,
И въ манифестѣ своемъ свято вѣрилъ,
Что нашъ народъ окажется достойнымъ
Хозяиномъ Руси многоплеменной...
Понѣже, на отчизнѣ нашей нынѣ
Свобода лишь для смерти изступленной, —
Признали мы за благо и молили
Георгія Побѣдоносца намъ помочь
Братоубійственную смуту превозмочь
Безъ тяжкихъ жертвъ, безъ крови и насилій...

И васъ, Россіи Витязи, мы просимъ
Возстановить законъ въ его благомъ предѣлѣ
И рыцарскимъ примѣромъ показать на дѣлѣ,
Что мы не зря Христово имя носимъ..."

. . . . .

Три витязя всѣ вразъ перекрестились,
Георгію Святому поклонились
И передъ ясными Царевича очами
Спокойно препоясались мечами...
Надъ міромъ утро раннее вставало,
Рѣка въ туманѣ бѣломъ утопала,
Могучій лѣсъ дышалъ прохладой росной...
Три витязя съ надеждой богоносной
Сошли къ рѣкѣ и сѣли въ утлый челнъ...
Отшельникъ у скита шепталъ въ молитвѣ:
"Да не погибнутъ вѣрные въ неравной битвѣ!"
И закачились витязи надъ глубью волнъ.

* * *

IX

ПЛѢНЕННЫЙ КРЕМЛЬ

Мы позабыли дѣтскія мечтанья
И бабушкины добрыя сказанья,
Златые сны и сказки и былины
И пѣсни вѣщія про древнія годины,
О русскихъ витязяхъ, о славныхъ битвахъ,
О чудодѣйственныхъ святыхъ молитвахъ,
О колдовскомъ и ядовитомъ зельѣ,
О богатырскомъ боевомъ похмѣльѣ...
О томъ, какъ Соловей Разбойникъ свищетъ
И погубить всѣхъ православныхъ ищетъ;
О томъ, какъ одноглазая шептунья,
Сухая, длиннозубая колдунья
Заманиваетъ въ сѣти вражескаго стана
Отважнаго бойца за правду, Еруслана...
И какъ Илья и Святогоръ молились,
За Землю Русскую, за вѣру бились;
Какъ русскіе святые подвизались
И отъ земныхъ наградъ навѣки отказались...
Какъ вѣра процвѣла и прозвучала,
Какъ пронеслась о ней стоустая молва
Во всѣ концы съ Карпатъ и до Байкала...
Какъ на крови замученныхъ за вѣру
Построилась перво-престольная Москва
И какъ стократно, вмѣру и невмѣру,

Какъ на вѣтру неугасимая лампада,
Испытывалась мощь Святого Града...
Но, знать, изсякло Божіе терпѣнье,
Невинной кровію пресытилась земля,
И взялъ Онъ изъ Москвы въ Свои селенья
Всѣхъ праведниковъ, вѣру и царей
И отнялъ у Россіи всѣхъ богатырей...

. . . . .

Москва-рѣка, равнинное отродье,
Рѣка лѣнивая, съ водой зацвѣлой,
Не рѣдко топитъ вешнимъ половодьемъ
Весь низъ Москвы, сѣдой и новоселой.
Но Кремль стоитъ, какъ витязь въ крѣпкой бронѣ
И, въ стоголосомъ древнемъ перезвонѣ,
Онъ смотрится въ весенніе разливы,
Какъ въ зеркало давно-минувшихъ бѣдъ:
Въ столѣтіяхъ теряется кровавый слѣдъ...
Испытанный въ вѣкахъ, небоязливый,
Видалъ онъ и потопы и пожары,
Потоки крови, бунты и измѣны,
Татарскаго нашествія удары,
Опричниковъ — исчадіе геенны;
Смерть Филиппа отъ руки Малюты,
Ивана Грознаго неистовый правежъ,
Отрепьева растерзанное тѣло
И вора Тушинскаго злое дѣло...
Мученья Аввакума казнью лютой,
Петра Великаго безбожье и кутежъ
И, въ пламени Москвы, въ набатныхъ звонахъ,
Закатъ побѣдъ великаго Наполеона!
О, сколько разъ въ тревогахъ колокольныхъ
Будилъ Москву безсонный витязь Кремль

И собиралъ на площадяхъ раздольныхъ
Для дикихъ бунтовъ рабски-злую чернь...
Въ угоду злу и для расправъ неправыхъ,
По проискамъ предателей лукавыхъ,
Во время мстительныхъ потѣхъ безчинныхъ,
Не мало полегло головъ невинныхъ.
Охъ, много на тебѣ грѣха, старуха!..
Не ты-ль вскормила русскую разруху?
Не ты-ли въ дни побѣдъ и силы славной,
Отъ преизбытка гордости державной,
Москва, не разъ дразнила Сатану?..
Не за это-ль ты теперь сама въ плѣну?..
Не даромъ Змѣй, почуявшій свободу,
Унесшій шкуру отъ Побѣдоносца,
Приползъ живьемъ къ московскому народу
И, подъ личиной хитрой огненосца,
Разнесъ соблазнъ и кривду и раздоры
Въ безбрежные россійскіе просторы!..
Не даромъ всюду братъ пошелъ на брата
И истребляется все то, что свято!
О, ты, Москва, не хуже-ли Содома,
Свершая столь неслыханное дѣло:
Впервые Иверская Богоматерь
Покинула Московскіе предѣлы!..

. . . .
. . . .

. . . . .

Москва бушуетъ, дикая и вся въ крови, —
Потоками ея опять залита
Вся Площадь Красная и вновь убита
Въ народѣ совѣсть, честь и символы любви!..
Подъ грохотъ пушекъ, подъ глухіе взрывы

Народъ спѣшитъ на адскіе призывы:
"Долой намъ неугодные законы!"
"Топчи и жги священныя иконы!"
"Отца и матерь почитать позорно!"
"Смерть избраннымъ!" "Плебеямъ слава!"
"Отнынѣ — Вѣра — опіумъ, отрава!.."
И древній Кремль безстыдно и покорно
Сталъ увѣрять, что сердце и разсудокъ
Есть смертный грѣхъ и предразсудокъ...
И нищенскую на народъ надѣлъ суму,
А всю Россію обратилъ въ тюрьму...

. . . . .

Но надобно сказать, что не безвинно
Народъ извѣдалъ зубы гидры красной
Всѣ выкрики и месть будутъ напрасны,
Пока всѣ мытари не принесутъ повинной;
Пока не понесетъ возмездія народъ
Зо то, что онъ содѣялъ въ дни свободъ.
И долго будутъ помнить поколѣнья
Вѣкъ нашихъ смутъ и общаго паденья,
Какъ въ страхѣ рабскомъ, разумѣть не смѣя,
Народъ Россійскій поклонялся Змѣю...
Пресыщенный грѣхомъ, кроваво-бурый,
Драконъ легко взялъ русскую натуру,
И весь народъ, по грозному приказу,
Разноситъ и питаетъ страшную заразу...
Реветъ, поетъ, безчинствуетъ, потѣетъ,
Всѣмъ жертвуетъ въ безумной простотѣ,
А самъ не видитъ и не разумѣетъ,
Что на чешуйчатомъ, драконовомъ хребтѣ
Таился для народа страшный ядъ
И для самихъ вождей — убійственный зарядъ...

И вотъ, съ музыкою, съ пѣснею, съ побаской,
Даже съ ухарской, веселой пляской,
Россы поспѣшаютъ въ пасть драконью...
Таковъ удѣлъ покорныхъ беззаконью!..
Исторіи нелживые итоги
Кросноречивѣй правду говорятъ:
Истреблены десятками подрядъ
Эти любимцы толпъ, кощунства боги...

. . . . .

Но нѣкто спроситъ съ миною надмѣнной,
Какъ нѣкогда въ пылу спросилъ Пилатъ:
"А что есть истина? -- Что есть законъ?"
О, есть законъ простой и неизмѣнный,
Всѣхъ радуетъ, хранитъ, все созидаетъ онъ,
И плодъ даетъ, умноженный въ сто кратъ,
Законъ тотъ управляетъ всей вселенной...
Но люди, злобствуя хуже звѣрей,
Считаютъ тотъ законъ причудой дикарей.
Но лучшаго намъ дать никто не могъ,
Чѣмъ То, что въ простотѣ зовется: Богъ!..

* * *

X

ТРУБНЫЙ ЗОВЪ

РѢКА течетъ, какъ вѣчность, величаво.
Привольно — дики синіе просторы
И спятъ по берегамъ сѣдыя горы, —
Богатыри, уснувшіе со славой...
Какъ острая стрѣла челнокъ убогій
Скользитъ по глади водъ рѣки угрюмой.
Всеславъ глядитъ впередъ съ глубокой думой;
А у Руслана голосъ звонко — строгій:
"Скажи, Всеславъ, чему-же вѣрить мнѣ, —
То явь была или видѣніе во снѣ:
Какъ будто самъ Святой Георгій на конѣ
Насъ ждетъ на высотѣ скалы высокой...
Какъ будто бы Царевичъ насъ встрѣчаетъ
И для спасенія Руси благословляетъ...
Повѣдай мнѣ о тайнѣ сей глубокой?"
Всеславъ отвѣтствовалъ загадкой новой:
"Дорога наша, милый братъ мой, далека
И тамъ, гдѣ кончится великая рѣка,
Насъ ожидаетъ часъ судьбы суровой...
Плыть по теченію рѣки не трудно,
Но сколько нужно силъ и воли смѣлой
Для просвѣтленія души осатанѣлой,
Для пробужденья спящихъ непробудно..."
Съ довѣрчивостью юной и невинной

Задумался послушный другъ Русланъ...
И безъ того отъ радости онъ пьянъ.
Весь Божій міръ такой предивный!
Такъ много красоты, загадокъ и чудесъ
Подъ этой синей кровлею небесъ...
Глаза его скользнули по щетинѣ
Поросшихъ ельникомъ высокихъ горъ;
На склонахъ ихъ раскинулся цвѣтовъ узоръ.
Здѣсь, надъ водою, наклонились ивы
И вѣтви ихъ задумались лѣниво,
Засматриваясь въ глубь воды прибрежной:
Вотъ цвѣтикъ луговой съ раскраской нѣжной;
На немъ росы предутреннія слезки.
А вотъ родныя бѣлыя березки...
Но почему такъ часто и невольно
Въ груди тревога, сердце бьется больно?
Все та же дума, что томитъ Всеслава:
Въ плѣну у Змѣя Русская Держава...

. . . . .

Молчитъ Всеславъ, задумчивъ и печаленъ.
Настала ночь. Челнокъ опять причаленъ
И вновь костеръ горитъ, и снова диво.
Все тотъ-же сонъ: беззвучно и красиво
Подъѣхалъ на конѣ Пресвѣтлый Воинъ...
За нимъ — Царевичъ. Ликъ его спокоенъ.
Подъ нимъ ретивый, золотистый конь —
Глаза коня, какъ яхонтъ, грива, какъ огонь...
Какъ витязи молились въ эту ночь,
Чтобы послѣднею цѣной — могилой
Собрать испытанныя въ битвахъ силы
И поскорѣй измученной Руси помочь!..

. . . . .

И на зарѣ имъ ветеранъ Двуглавый,
Съ высотъ принесъ поруку вѣчной славы:
Нерукотворный Спасъ и Крестъ чудесный —
Даръ отъ Пустынницы Безвѣстной.
Никто не спрашивалъ орла — откуда?
Но твердо каждый витязь зналъ,
Что есть Россія — Мать, Обитель Чуда...
Даръ принятъ былъ, какъ боевой сигналъ.

. . . . .

И раздается кличъ — призывъ чудесный,
Всѣмъ воинамъ съ сѣдыхъ временъ извѣстный:
"Въ часъ утренній трубятъ... Встаетъ заря.
Пора, пора всѣмъ воинамъ щиты поднять
И, если суждено, святую смерть принять
За вѣру, за отечество и за царя!"
И тутъ великое свершилось чудо —
Какъ птицы бѣлыя, невѣсть откуда,
Слетѣлись конницы, лихіе казаки.
Гусары и уланы, кирасиры,
Блеснули старой гвардіи мундиры,
За ними всѣхъ знаменъ пѣхотные полки...
Какъ на смотру красивымъ строемъ шли,
Скрываясь въ дымкѣ призрачной дали.
Слышались оркестры, ржаніе коней,
Звуки пѣсенъ, грохотъ барабановъ,
Лязгъ оружія угрюмыхъ великановъ
Воскресшей арміи... И вслѣдъ за ней
Несмѣтной силой рати всѣхъ родовъ,
Сраженныя за Русь за тысячу годовъ...
Вотъ Павловскіе строгіе полки;
Вихрастые Суворовскіе парики.
Тамъ Ермака тяжелыя пищали,

Здѣсь древнія кольчуги, бердыши,
А тамъ, какъ призраки былой печали,
Какъ стоны грѣшной Іоановой души,
Стрѣльцовъ ватага, кровью налитыхъ...
И копья острыя и ржавые щиты
Соратниковъ Димитрія Донского,
И Алексанрда Невскаго походный станъ
И пыль степей отъ буйнаго набѣга
Былиннаго и вѣщаго Олега.
И Игоря плѣненный караванъ
И смѣлые варяги Рюрика сѣдого...
Всѣ поднялись, всѣ снова встали,
Всѣ кровію Россію созидали...
И грозно требуютъ немедленный отвѣтъ:
Гдѣ Царь, гдѣ Вѣра, почему Россіи нѣтъ?..

. . . . .

Открылись лагери, палатки и шатры
И встали въ памяти Царевича смотры,
Когда, въ былые императорскіе дни,
Всѣ пѣли гимнъ: "Боже Царя Храни!"
Ужели все это теперь забыто?..
Ужели царь съ царицею убиты?..
"О, Боже, неужели суждено намъ вновь
Рѣкою проливать родную кровь?.."
И взялъ Царевичъ, юный вождь народный,
Въ руки стягъ Георгія, подъ маршъ походный...
И посылалъ во всѣ края и уголки
Призывный кличъ священнаго начала...
Повсюду сила ратная вставала,
Со всѣхъ концевъ шли вѣрные полки,
Трехцвѣтный флагъ вздымали всѣ вѣтра...
"Въ Москву! На Кіевъ! Въ чудный градъ Петра!.."

* * *

XI

КАЩЕЙ БЕЗСМЕРТНЫЙ

НѢТЪ, нѣтъ! И новый міръ не благороденъ
И не великъ и вовсе не свободенъ!"
Сказалъ себѣ раскаявшійся лжецъ,
Хранившій входы въ сказочный дворецъ.
"Какъ самъ Кащей, все сѣро и безлико!..
А, впрочемъ, разберись теперь, поди-ка!"
И — не успѣлъ старикъ продлить своихъ рѣчей,
Какъ передъ нимъ явился самъ Кащей...
Какъ онъ за этотъ вѣкъ перемѣнился!
Должно быть кровію вѣковъ напился...
Но какъ онъ влѣзъ черезъ стальной затворъ?
Неужто и Кащей проникъ, какъ воръ?
И какъ кошмаръ, какъ злое навожденье,
Предъ стражемъ было страшное видѣнье:
Ни звѣрь, ни рыба и ни человѣкъ —
Подобнаго онъ не видалъ въ свой долгій вѣкъ:
Тупой и низкій, весь въ морщинахъ лобъ,
На первый взглядъ — безликій остолопъ...
Глаза — зеленые, сквозныя дыры,
И ротъ въ крови, какъ у вампира,
Но въ складкахъ рта стальная власть бульдога,
На черепѣ растительность убога...
А челюсти, какъ западня глухая,
Все хлопаютъ, клыками громыхая...

Уши движутся, какъ ставни на шалнерахъ,
Но чванство европейское въ манерахъ...
Какъ сбруя, золото на лапѣ каждой...
Съ какой чудовищной, кровавой жаждой
Напитанъ ядомъ міровой паукъ,
Ревнителей тайныхъ ложъ и "меценатъ" наукъ,
Всѣхъ благъ и силъ земныхъ завоеватель,
А потому — всѣхъ цѣнностей держатель,
Почетный лжецъ и благодѣтель щедрый
И воръ невинныхъ душъ жестокосердый...
Короче говоря — преображенный Змѣй,
Кащей безсмертный, вѣчный лиходѣй...

. . . . .

"Мнѣ кажется, — сказалъ онъ политично. —
(Онъ зналъ и нашъ языкъ вполнѣ прилично)
Все ваше царство, знаете, въ большой бѣдѣ,
А мы всегда готовы помогать въ нуждѣ..."
Старикъ прервалъ его: "Кто это "мы"?
Строрители всечеловѣческой тюрьмы?.."
"Ну, для чего намъ ссориться, другъ милый?" —
Прошавкалъ странный гость. "Вѣдь наши силы
Могли-бы, говоря вполнѣ не гласно,
Соединиться, вовсе не напрасно...
Вы понимаете: монархія теперь,
Хотя-бы и волшебная — не въ модѣ...
Войдите въ нашъ союзъ иль нѣчто въ этомъ родѣ...
Извольте знать: мы міромъ управляемъ,
Когда на биржѣ судьбами играемъ —
И знаемъ, какъ судьба всѣхъ царствъ плачевна...
Такъ вотъ-съ... Я думалъ бы, что и Царевна,
Изъ замка возвышающихъ обмановъ,
Могла бы выйти въ свѣтъ... И безъ сомнѣнья

Я могъ бы ей помочь въ одно мгновенье
Стать, скажемъ, первою звѣздой "экрана"
Или женой всемiрнаго борца...
У ней вѣдь нѣтъ ни матери и ни отца...
Я самъ пещись о ней, повѣрьте, стану..."
"Все ваше краснорѣчье безполезно!"
Прервалъ его Царевны стражъ.
Но выходецъ изъ ада, кланяясь любезно,
Какъ духъ болотный, какъ миражъ,
Все дерзостнѣе придвигался къ трону...
"Свободы совѣсти Царевны я не трону,
Но, право, мнѣ, какъ истинному другу,
Хотѣлось оказать ей лишь услугу!.."

. . . . .

Въ тотъ часъ, одна, на высотѣ чертога,
Царевна въ даль лѣсовъ смотрѣла строго
И слушала, какъ посланный съ орломъ сигналъ
Подъ знамя подвига героевъ призывалъ.
Но вотъ въ покой ея благоуханный
Проникъ какой-то смрадъ и шорохъ странный...
Она поспѣшно въ тронный залъ спустилась
И, потрясенная, остановилась.
А чудище, ощерясь безобразно,
Протягиваетъ лапу къ ней безчинно
И молвитъ громко и развязно:
"Я къ вамъ пришелъ совсѣмъ не безпричинно!.." —
Онъ звякнулъ челюстями прекурьезно. —
"Намъ надо все рѣшить, пока не поздно...
Я долженъ васъ, сударыня, предупредить,
Чтобъ вы никакъ не ввязывались, право,
Въ затѣи безталаннаго Всеслава. —
Вамъ это можетъ очень повредить...

Намъ все уже доподлинно извѣстно,
Что и Царевича они изобрѣли,
И призываютъ ратниковъ со всей земли...
Вамъ это не идетъ... Вы такъ прелестны!
Я безъ ума отъ вашихъ дѣвственныхъ манеръ:
На васъ поженится любой милліонеръ!
Оставьте ваши царскія палаты...
При томъ онѣ совсѣмъ не такъ богаты...
Теперь какой-нибудь торговецъ пивомъ
Владѣетъ замкомъ болѣе красивымъ..." -
И тутъ Кащей всей лапою тяжелой
Уже коснулся дивнаго престола...
И даже стражъ вздрогнулъ, ворча съ досады:
"Какіе могутъ быть на свѣтѣ гады!"
Царевна-же, не повышая тона,
Протяжно возгласила: — "Прочь отъ трона!"
Какъ взмахъ крыла — сложились три перста
И пламя Животворнаго Креста
Съ побѣднымъ ликованьемъ запылало,
Сразивъ протянутое Змѣемъ жало...
И, вмѣсто воплощенья адской мысли,
Лишь клочья пепла въ воздухѣ повисли...
Но зло и пораженное ликуетъ:
Царевна глубоко потрясена
И никогда не успокоится она,
Что Змѣй—Кащей на свѣтѣ существуетъ...

* * *

XII

ПОХОДЪ ВСЕСЛАВА

Купецъ, богачъ и чародѣй отличный,
Дѣлецъ и практикъ былъ приличный,
Прикидываясь другомъ человѣка,
Воистину — Кащей сего изысканнаго вѣка,
Вездѣ хозяйничать и править могъ.
Забывъ недавнее уничиженье,
Онъ дѣлаетъ дальнѣйшее движенье —
Въ Москву. Какъ свой приходитъ къ Кумачу; —
Кумачъ былъ тамъ тогда главою; —
По-свойски Трошку треплетъ по плечу, —
Онъ Кумача былъ правою рукою; —
Въ Кремлѣ ведетъ себя, какъ дома
И держитъ рѣчь передъ лицомъ Содома:
"Послушайте, друзья, какъ это странно, —
Въ нашъ вѣкъ войну вести столь не гуманно:
Вы истребляете всѣхъ этихъ "бѣлыхъ"...
Сіе для васъ совсѣмъ не экономно, —
Ихъ помощь можетъ быть для васъ огромна, —
Нѣтъ командировъ болѣе умѣлыхъ!
Попробуйте хоть разъ, вмѣсто разстрѣла,
Пообѣщать имъ, скажемъ, слово: "Русь" —
За результаты я вамъ лысиной клянусь:
Они вамъ создадутъ бойца-солдата,

Какимъ гордились и цари когда-то!..
А тамъ... Вы уничтожите ихъ смѣло..."
Кумачъ прищурился: "Вотъ это дѣло!"

. . . . .

Но прибываютъ силы у Всеслава
И двигаются на Москву упорно,
Хотя и предаютъ его позорно
Соратники изъ зависти лукавой...
Когда-нибудь историкъ нашъ усердный,
Для правды вящей и нелицемѣрной,
Изучитъ путь былиннаго похода
И всю судьбу Россійскаго народа
Начертитъ онъ рукой безстрастной;
По всей Россіи линіею красной,
Отмѣтитъ онъ безчисленныя рѣки,
Моря и горы, степи и поля,
Чтобъ всѣ увидѣли, какъ Русская Земля
Была облита кровью... Чтобъ навѣки
Будущія поколѣнья не забыли,
Сколько предки ихъ за Русь головъ сложили...
Всюду Шипки, Альпы, всюду Плевны,
Лишь нѣтъ Суворова да рукъ Петровыхъ,
Но множество разстрѣловъ гнѣвныхъ,
А еще больше козней нездоровыхъ...
Не могъ Царевичъ видѣть это дѣло...
Рубить или казнить — ему не по плечу.
И попросилъ онъ тихо и несмѣло:
"Родные витязи! Я къ Кузьмичу хочу!"

. . . . .

Но выше и смѣлѣй леталъ Двуглавый.
Полки всѣхъ витязей покрылись славой.

Они, какъ вѣтры буйные, носились
И сразу въ четырехъ концахъ Россіи бились.
Дружины шли и съ Запада и съ Юга
И хладный Сѣверъ обратили въ друга:
Поднялся Тихій Донъ, за нимъ встала Кубань,
Возсталъ Тамбовъ и вновь сдалась Казань,
А съ нею появился золотой запасъ...
Воинственно дымился весь Кавказъ,
И развернулась во всю мощь и ширь
Безбрежная и хлѣбосольная Сибирь...
Змѣй окруженъ былъ огненнымъ кольцомъ.
Въ Москвѣ забили смертную тревогу
И тамъ даже безбожники молились Богу
Передъ своимъ безрадостнымъ концомъ...

. . . . .

Но положенья этого стерпѣть не могъ
Кащей кроваво-огненный бульдогъ...
Напуганный Всеславовымъ успѣхомъ,
Онъ создавалъ ему помѣху за помѣхой.
Чтобъ легче навредить и разлагать,
Онъ вызвался Всеславу помогать.
Онъ сталъ нашептывать на вѣрныхъ братьевъ.
Придумывалъ измѣны. Слалъ проклятья
Наихрабрѣйшимъ командирамъ;
Заигривалъ съ потустороннимъ міромъ
Подсовывалъ на подпись приказанья
О пользѣ иностраннаго вліянья.
Народную придумалъ "директорію"
И разглашалъ о ней коварную исторію...
Изъ всей Европы вызвалъ представителей,
Какъ на подборъ, все опытныхъ вредителей...
Солдатамъ лучшихъ конныхъ эскадроновъ

Шепталъ, что у пѣхоты нѣтъ патроновъ.
И создавалъ общественное мнѣнье,
Что лучшая побѣда — отступленье.
Пускалъ онъ ложь, позорную шумиху
И создалъ полную неразбириху.
Такъ, въ угоду Змѣю — лицемѣру,
Многіе убили долгъ и вѣру...
Многіе рѣшили жить за рубежемъ,
Чтобы строить Родину въ краю чужемъ...

. . . . .

Въ то-же время армія изъ плѣнныхъ,
Мутному подобная потоку,
Грезя о Карпатахъ несравненныхъ,
Пробивалась съ Запада къ Востоку.
Русь ее встрѣчала простодушно,
Баловала, славила радушно,
Облегчала ей тяжелую дорогу,
Чѣмъ могла, давала "запомогу".
Молодыя вдовы и невѣсты,
Забывая о мужьяхъ и женихахъ,
Пораженныхъ въ битвахъ повсемѣстныхъ,
Шли за плѣнными, вѣнчались впопыхахъ...
Хоть пошаливали братья на походѣ
И не добрая молва пошла въ народѣ, —
Постепенно забирали они силу;
Мнегіе стяжали вѣрность и любовь,
Рядомъ съ Русью храбро проливали кровь,
Вмѣстѣ находили братскую могилу...

. . . . .

Но вотъ, однажды, передъ тяжкой битвой,
Когда Всеславъ съ надеждой и молитвой,

Готовился къ рѣшительной борьбѣ,
Вождь братской арміи, въ простой избѣ,
Сидѣлъ и забавлялся съ черной кошкой.
Вдругъ кто-то робко постучалъ въ окошко...
За окнами трещалъ морозъ жестокій
И мракъ стоялъ полуночно-глубокій.
Окно было украшено узоромъ
Изъ нитей льда и снѣга... Передъ взоромъ
Вождя, во мглистыхъ хлопьяхъ снѣжной вьюги,
Мелькнула шубка временной подруги...
Онъ поспѣшилъ впустить... Открылъ объятья...
И вдругъ въ немъ перепутались понятья:
Въ дверяхъ избы, изъ жалкихъ клочьевъ мѣха,
Въ искрахъ непочтительнаго смѣха,
Выглянула дьявольская рожа.
"Добрый вечеръ, доблестный вельможа!
Я съ тобой пришелъ поговорить немного, —
Я — посолъ отъ грознаго Бульдога..."
Этимъ было сказано все сразу, —
Цѣлый свѣтъ танцуетъ по его приказу...
Полководецъ сѣлъ на крашенную лавку...
"Пора тебѣ занять главную ставку...
Подумай-ка: за это всѣ резоны!" —
И дьяволъ заглянулъ въ глаза персоны: —
"Въ твоихъ рукахъ соединятся силы...
Тебѣ поклонятся всесильныя свѣтилы,
Ужъ я не говорю, что ты избавишь
Твои войска отъ лишнихъ битвъ... Но слава!..
Ты намъ замѣнишь самого Всеслава
И тѣмъ ты родину свою прославишь!..
А сколько всяческихъ запасовъ на пути:
Оружія, сырья, скота, зерна!..
Твоя страна будетъ восхищена,

Коль все это ты сможешь привезти...
Ты станешь лучшимъ изъ Наполеоновъ.
А главное владѣльцемъ милліоновъ!"

. . . . .

Не устоялъ герой предъ низкой лестью
И счелъ предательство — великой честью...

* * *

XIII

ГИБЕЛЬ ВСЕСЛАВА

Вѣтры буйные гуляютъ въ чистомъ полѣ.
Русь бушуетъ въ волѣ и въ неволѣ...
Завываетъ злымъ голоднымъ волкомъ
Смерть надъ новымъ Русскимъ Святополкомъ.
Кровью братской и разгуломъ пьяна,
Рать не слушаетъ мечтателя Руслана...
Въ грозной схваткѣ съ силой Печенѣга,
Змѣй ужалилъ Вѣщаго Олега...
Раздѣленъ онъ съ воеводою Всеславомъ
Каменнымъ Ураломъ величавымъ.
Обливаясь кровью, бьется и страдаетъ:
Сила въ битвахъ тяжкихъ скоро убываетъ.
Воины редѣютъ... Всюду дезертиры.
Тутъ казны нехватка... Лошадей падежъ...
Тамъ сыпнякъ пришелъ на зимнія квартиры,
Поражая армію, какъ острый ножъ...
Здѣсь людей сгибаетъ небывалый холодъ;
Въ каждое окно стучится голодъ.
Прорваны остатки вѣрныхъ силъ...
О пополненіи Олегъ ужъ не просилъ...
Все падало — достоинство и честь,
Какъ вдругъ съ Востока прогремѣла вѣсть:
“Нашъ витязь, твердокаменный Уралъ,
Знамена русскія кощунственно попралъ...”

Такъ были витязи врагомъ окружены...
А ихъ дружины страхомъ сражены...

. . . . .

Тогда для Змѣя не было помѣхи:
Онъ все передъ собой повергъ во-прахъ
И началъ небывалыя потѣхи,
Какія могъ творить лишь дикій страхъ...
На сотни верстъ растянуты обозы —
Съ хребтовъ Урала и до горъ Байкала...
Русь никогда такой бѣды не знала
Въ трескучіе сибирскіе морозы.
И не былъ никакой въ мірѣ исходъ
Столь пагубенъ, какъ "ледяной походъ".
Здѣсь быль смѣшалась съ жуткой небылицей;
И длинной, безконечной вереницей
Шли смѣшанныя арміи къ Востоку.
Не вѣдая своей судьбы жестокой.
Медленно тянулись дни и поѣзда...
Точно муравьи изъ стараго гнѣзда,
Каждый что нибудь тащилъ и тяжко бился,
Каждый маленькимъ и жалкимъ становился...
День идутъ вагоны, а стоятъ недѣли.
Бѣльмами глядятъ застывшія окошки.
Нѣтъ ни топлива, ни хлѣба крошки, —
Палую конину даже дѣти ѣли...
Сотни лошадей подъ ношей тяжкой
Падаютъ въ лѣсу, въ степяхъ холодныхъ,
Трупами, застывшими въ запряжкѣ
На питаніе волковъ голодныхъ...
Коситъ смерть людей направо и налѣво,
Сѣетъ тысячами по дорогѣ трупы.
Тянутся пѣшкомъ, закутавшись въ тулупы,

Тысячи бѣгущихъ отъ слѣпого гнѣва...
Тянутся и падаютъ и проклинаютъ,
Богохульствуютъ, ползутъ и застываютъ.
Смерть хозяйничаетъ здѣсь побѣдно —
Тысячи въ снѣгахъ погребены безслѣдно.
Тысячи повстанцами убиты,
Тысячи безвѣстностью покрыты.
Съ четырехъ концевъ, четыре палача
Рубятъ неустанно со всего плеча:
Тощій голодъ — вѣчная причина слезъ.
Бѣлый, леденящій въ жилахъ кровь, морозъ.
Пожиратель воли — призракъ красный
И четвертый, самый черный и опасный —
Истребитель духа — страхъ напрасный
Въ страхѣ жизнь при жизни вся изъята,
Всякая душа на смертный судъ заклята...
Таковы четыре страшныхъ брата...

. . . . .

Замкнулась, какъ въ обители, Царевна,
Въ своемъ чудесномъ, сказочномъ дворцѣ.
Но сердцемъ, и всенощно и вседневно,
Чуяла о грозномъ, роковомъ концѣ...
И неустанно, въ трепетной молитвѣ,
Умоляла Благостнаго Спаса:
"О, положи предѣлы братской битвѣ.
Внемли отчаянью нѣмого гласа!"
Въ часы тоски, сомнѣній и страданій,
Смотрѣла долго въ призрачную даль
И думы одинокихъ ожиданій
Въ пѣсенную вылились печаль:

. . . . .

"Русскій братъ мой, русскій витязь. — гдѣ ты?
Ужель порвется пѣсней недопѣтой
Твой богатырскій, сказочный удѣлъ?
Когда ты былъ могучъ, богатъ и смѣлъ,
Берегъ-ли ты доспѣхи Божьей Воли?
О, если-бъ мы любовь къ отчизнѣ сберегли,
Ты избѣжалъ бы нынѣ рабской доли
Да не покинулъ бы родной земли.
Не затопталъ бы родины въ чужей пыли!...
Но знать прогнѣвали мы Провидѣнье,
Знать суждена намъ чаша искупленья...
Тогда всему случившемуся покорись
И съ силой темною въ себѣ самомъ борись:
Она бы не коснулась нашего порога,
Когда-бъ мы сами не забыли Бога."
Замолкла дума-пѣсня Царь—Дѣвицы
Но духъ, — корабль небесный безъ вѣтрилъ, —
Несется по простору вѣщей птицей —
Считать безчисленность родныхъ могилъ...

. . . .

Но что-же съ нашимъ витяземъ Всеславомъ?
И почему онъ не спѣшитъ къ инымъ державамъ?
Всеславъ остался на Сибирской Шипкѣ
И, вѣрною дружиной окруженный,
Онъ не покинулъ родины сраженной –
Одинъ рѣшилъ отвѣтить за ошибки!..
Онъ видѣлъ, какъ онъ побѣжденъ безславно,
Какъ предавалъ его союзникъ инославный,
Какъ гибла на пути измученная рать;
Какъ, нарушая честь и воинства законы,
Союзниковъ недавнихъ эшелоны,
Съ добычей русскою торопятся бѣжать...

Не сдавшійся врагу, но обреченный,
Безсильный и глубоко-потрясенный,
Онъ ждалъ свой смертный часъ спокойно,
Какъ истинному рыцарю пристойно.
И пробилъ часъ его... Онъ безъ боязни
Предсталъ передъ лицемъ неправой казни.
Но передъ силой духа русскаго орла,
Даже вражеская дрогнула стрѣла:
Стрѣльцы не смѣли убивать героя,
И, передъ ликомъ черной смерти стоя,
Всеславъ перекрестясь, сказалъ сердито
Главѣ стрѣльцовъ — надмѣнному бандиту:
"Что-жъ, распустилъ солдатъ, какъ банду!"
И властно крикнулъ: "Исполнять команду!"
И ядовитая, каленая стрѣла
Сердцу рыцарскому гибель понесла...

. . . . .

Тучами въ ту ночь закуталась луна...
Вдругъ заискрились копыта скакуна:
Къ мѣсту казни прискакалъ Георгій...
И легко понесъ изъ адскихъ оргій
Духъ витязя, непобѣжденный зломъ,
Чтобъ наградить его безсмертія жезломъ...
Бури — вѣтры, надъ тайгою вѣя,
Душистѣй ладана, бѣлѣе лилій,
Слезъ кристально-чистыхъ не жалѣя,
Тѣло витязя убитаго покрыли...
Даже въ лагерѣ врага и нелюдима,
Память его будетъ свято чтима...
Истинно-прекрасна смерть Всеслава!
Нѣтъ! Не погибнетъ Русская Держава!..

* * *

XIV

ВЪ СВЯТОМЪ СКИТУ

Лѣсная глушь... Зеленыя дубравы
И мшистые ковры въ тѣнистыхъ еляхъ;
Ручьи гремучіе, луговъ атавы,
И радуга на шелковыхъ качеляхъ...
О, сколько радости приноситъ просинь
Въ ущелье теплое лѣсныхъ холмовъ;
И сколько золотистыхъ теремовъ
Построено изъ пышно-хвойныхъ сосенъ!
Вотъ зелень бархатная на полянѣ —
И марево дрожитъ въ далекой кручѣ;
Сосѣдній стволъ въ берестяномъ сафьянѣ —
И ширь въ полетѣ поднебесной тучи.
О, сколько кроется въ тебѣ чудесъ,
Всегда таинственный, дремучій лѣсъ!
Не даромъ у тебя живутъ всѣ феи,
И берегутъ причуды сновъ и сказокъ
И Лель навѣрно здѣсь и Берендеи,
И сотни голубыхъ лукавыхъ глазокъ...
Подъ тѣнью хвойной твоего шатра
Угомоняются разгульные вѣтра!
Подъ покровомъ дебрей недоступныхъ,
Подъ сѣнью первобытной красоты,
Прячешь ты и каторжанъ преступныхъ
И древніе отшельничьи скиты...

. . . . .

Въ лѣсной избушкѣ теплится лампада.
Привольная рѣка течетъ и говоритъ
О вѣчности; о построеньи Града,
Что куполами въ небесахъ горитъ.
Царевичъ, съ лѣстовкой изъ перламутра,
Шепчетъ: "Господи, спасеніе ускорь!"
А мыслитъ — о румяныхъ зоряхъ утра,
О грусти и стыдливости вечернихъ зорь...
Легко Царевичу дышать прохладой
И ароматами сосновыхъ хвой.
Жизнь съ Кузьмичемъ — великая награда —
Такой онъ весь уютный, теплый, свой.
У Кузьмича и бѣднота святая
И святость до убожества простая:
Черствый хлѣбъ его вкуснѣе царскихъ блюдъ.
Ахъ, если-бы такъ жилъ весь русскій людъ!
Кузьмичъ весь день въ трудѣ и на молитвѣ.
И день и ночь безъ сна, но безпечаленъ —
Легко забыть съ нимъ всѣ земныя битвы.
Какъ малое дитя, онъ простъ и веселъ
Все спорится. все ладится въ его рукѣ...
Нѣтъ лучшей радости, когда, навѣсивъ
Гребныя весла, плыть съ нимъ по рѣкѣ
И видѣть отраженія березъ,
Или, бродя средь пчелъ, повеселѣть до слезъ,
Когда рои летятъ на Кузьмича,
Садятся на руки, на голову, на грудь,
Какъ воротъ изъ бобра густѣютъ на плечахъ,
А въ бородѣ готовы, какъ въ раю, заснуть...
Но радостнѣй всего сидѣть съ нимъ рядомъ,
Когда онъ тешетъ новое бревно
И въ ароматѣ щепъ и потѣ градомъ,
Изъ устъ его летитъ словесное зерно:

Разсказы объ угодникахъ и о святыняхъ,
О лаврѣ Сергія, о благости кадилъ,
О Серафимѣ Саровскомъ въ пустынѣ,
Куда Кузьмичъ на поклоненіе ходилъ,
Когда еще тяжелый крестъ царя носилъ...
Великимъ счастьемъ Богъ благословилъ
Царевича подъ тихимъ скитскимъ кровомъ...
И онъ забылъ о времени суровомъ.
Сталъ крѣпче тѣломъ, на лицо смуглѣе,
На лошади и на челнѣ смѣлѣе,
И часто возвращался въ скитъ съ уловомъ...

* * *

XV

ОДНАЖДЫ НА ЛѢСНОЙ ПОЛЯНѢ

Когда безвѣтренно въ лѣсныхъ ущельяхъ,
Когда безоблачно на небѣ голубомъ,
Когда весь людъ въ поляхъ и въ рукодѣльяхъ,
А на дворѣ весна въ зенитѣ золотомъ —
О, кто-жъ тогда не знаетъ о стремленьи
Куда-то вдаль, куда-то на просторы?
Чье сердце не смягчаютъ умиленья,
Кого не радуетъ цвѣтовъ узоры?
Тогда, и звѣрь, и рыбка, и букашка,
И малая, невинная лѣсная пташка
Заботятся о продолженіи породъ,
Чтобъ утвердить безсмертіе изъ рода въ родъ...

. . . .

Но простъ и чистъ и въ мысляхъ простодушенъ,
Царевичъ юный Кузьмичу послушенъ.
Лишь изрѣдка на лошади рысистой
Промчится по лугамъ или тайгой тѣнистой,
По сочнымъ травамъ, прямо, безъ дороги,
Не зная ни грѣха, ни суетной тревоги...
И гдѣ нибудь на берегу гранитномъ,
Въ закатномъ пурпурѣ иль рано по утру
Замретъ вмѣстѣ съ конемъ, какъ памятникъ Петру...

. . . . .

Но вотъ однажды, на лѣсной полянѣ,
Вблизи отъ пашенъ, по лугамъ гарцуя,
Встрѣчаетъ онъ крестьянку молодую,
Дѣвицу кроткую, съ лукошкомъ на рукѣ.
Шла она изъ лѣса къ голубой рѣкѣ.
Зеленый платъ съ каймою золотистой;
Какъ зрѣющая нива — яркій сарафанъ;
Какъ незабудки, очи голубы;
Какъ маковъ цвѣтъ лицо и гибокъ станъ.
Она смутилась, низко поклонилась,
Нечаянно разтыпала грибы,
Но тихая, изъ-подъ рѣсницъ лучистыхъ,
Улыбка радости упала на цвѣты...
"Здравствуй, дѣвушка! Скажи: откуда ты?"
Но, дѣвушка, склонившись надъ грибами,
Чуть слышно молвила лилейными губами:
"Спроси у сердца, у мечтаній чистыхъ!"
И тотчасъ отошла къ скалистому откосу —
Вѣтеръ растрепалъ льняную косу...
И скрылась сказочною невидимкой
Въ лѣсу, покрытомъ голубою дымкой...
Царевичъ долго мчался за русалкой вслѣдъ —
Но въ томъ-то и загадка, что разгадки нѣтъ...

* * *

XVI

ЛЮБОВЬ ЦАРЕВИЧА

Сильна, какъ смерть, о, нѣтъ! Сильнѣе смерти —
Жизнь бабочекъ и равно жизнь планетъ,
Но никакихъ надеждъ и самой жизни нѣтъ,
Коль нѣтъ любви. — Любовью все измѣрьте!
И потерялъ Царевичъ сонъ свой и покой.
Постель пустынника тверда и холодна.
И овладѣла имъ мечта одна:
Искать слѣды русалки молодой...
Все чаще онъ садится на коня,
Все дольше бродитъ по лѣснымъ тропинкамъ.
Уходятъ кедры вдаль, загадочно маня,
Роняя на земь чистыя слезинки
Душистыхъ смолъ, какъ Божій ладанъ.
Но путь къ лѣсной русалкѣ не разгаданъ...
Ни ѣстъ онъ и ни пьетъ. Молитва горяча,
А самъ не слушаетъ святого Кузьмича:
Далеко уплываетъ въ душегубкѣ...
Какъ голубь о потерянной голубкѣ
Воркуетъ гдѣ-нибудь наединѣ
И ищетъ что-то взоромъ на глубокомъ днѣ...
Невидимо слѣдитъ за нимъ Царевна.
Въ ея глазахъ и торжество и слезы...
Вотъ прячется она за бѣлыя березы
И ждетъ Царевича въ тиши полдневной...

Идетъ онъ по лугамъ. За нимъ на поводу —
Проворный конь срываетъ цвѣтъ травы.
У юноши печаль въ наклонѣ головы
И странныя слова твердитъ онъ, какъ въ бреду:
"Не знаю самъ, не вѣдаю, о чемъ грущу...
Но гдѣ ты, милая? Тебя, тебя ищу!"
Лѣсныя бабочки летаютъ на пути;
Равнина кончилась и некуда идти.
Но въ этотъ мигъ, легка, какъ сновидѣнье,
Какъ знакъ божественнаго дуновенья,
Вся бѣлая, какъ свѣтъ отъ полнолунья,
Къ нему спустилась дивная колдунья...

. . . . .

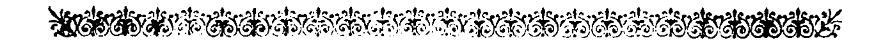
Исчезли дебри и лѣсныя тѣни.
И сердце смолкло, перестало биться;
Не зналъ Царевичъ, плакать иль молиться?
И робко опустился на колѣни...
Призванье прозвучало еле внятно:
"Я сынъ царя, могущественнаго когда-то...
У насъ была имперія, дворцы и злато...
Теперь ихъ нѣтъ... Но мнѣ теперь понятно,
Что все земное поглощаетъ пустота,
Когда не понята святая красота!"
Въ священномъ трепетѣ, благоговѣйно
Припалъ къ ея рукѣ невинными устами.
И прошепталъ весь лѣсъ душистыми листами:
"Какъ сердце человѣческое чародѣйно!"

. . . . .

Какъ лилія полна благоуханья,
Такъ, затаивъ эфирное свое дыханье,
Вѣчнымъ счастьемъ преисполнилась Царевна

И прозвучалъ отвѣтъ ея напѣвно:
"И я покинула мой замокъ славный,
Чтобъ послужить тебѣ, мой Царь Державный!"

* * *

XVII

БЕЗМОЛВНЫЙ ГОСТЬ

Веселый, рѣзвый, заново рожденный,
Царевичъ соколомъ примчался ко скиту.
Онъ обнялъ Кузьмича и, не желая слушать,
Внесъ въ избу радостную суету,
И признавался, что не прочь покушать...
Онъ сѣлъ за столъ, забывши помолиться;
Уже успѣлъ надъ блюдомъ наклониться,
Какъ вдругъ, не смѣя взять рукою лжицы,
Онъ видитъ за столомъ, противъ божницы,
Георгія Святого обликъ мрачный...
Царевичъ вспомнилъ, — въ дѣтствѣ былъ наученъ, —
Какъ невѣрными Георгій былъ замученъ...
И раздвоился день его удачный:
На немъ еще лежалъ свѣтъ изъ окна,
А остальная часть избы была темна...
Зрѣнье-ли его мгновенно помутилось?..
Иль въ сердцѣ кровь остановилась?..
Подъ грустнымъ взоромъ Вѣщаго Гонца,
Онъ вспомнилъ все опять сначала до конца
И угадалъ въ молчаніи Побѣдоносца,
Верховныхъ силъ оруженосца,
Про гибель всѣхъ, сражавшихся за Вѣру...
Увидѣлъ новый, несмываемый позоръ
И собственнаго наказанья мѣру:

“Когда герой за Родину сражался
Я здѣсь лѣсною сказкой забавлялся...
Могу-ль спасти я падшихъ милліоны,
Когда нести свой крестъ я не способенъ?..”
Но благостный раздался гласъ въ избѣ:
“Есть надежда и благой завѣтъ тебѣ:
Царь святъ, непобѣдимъ и всѣмъ угоденъ,
Когда онъ мудростью блюдетъ законы.
И ты подымешь шапку Мономаха,
Но только — въ схимѣ скромнаго монаха.”

. . . . .

Пораженный вѣстью, старецъ хлѣбосольный,
Замеръ неподвижно съ чашей запрестольной.
Наклонившись надъ нетронутою пищей,
Въ хижинѣ сидѣлъ уже не царь, а нищій...

* * *

XVIII

МАТЕРЬ СВѢТА

Сплетаются добра и зла концы...
Кто ограждаетъ въ полѣ птичьи гнѣзда,
Когда въ нихъ малые лежатъ птенцы,
А съ неба, гдѣ плывутъ святыя звѣзды,
Слетаетъ коршунъ, чтобъ добычу взять?
Нельзя страданія словами разсказать,
Когда любовь — невинной жертвы пламень,
Угашена неумолимымъ рокомъ,
Когда сердцамъ грозитъ могильный камень..
Да сбудется рѣченное пророкомъ:
Путникъ не возжаждетъ прежде
И не соберетъ въ сосуды чистыхъ водъ,
Пока сопутствуетъ его надеждѣ
Богатый водами нагорный небосводъ...
Но вотъ изсякъ живой родникъ, и — Боже!
Тогда всѣхъ благъ земныхъ ему дороже
Изъ мутной лужи дождевая влага...
Таковъ законъ потеряннаго Блага...

. . . . .

Какъ лебедь раненый страдалъ Царевичъ.
Опять нѣтъ радости. Нѣтъ утѣшенья...
Ужели прадѣдовъ былыя прегрѣшенья

Еще не отмщены послѣдней жертвой?
Доколѣ, Господи, не снимешь испытаній
Съ Руси измученной, несущей крестъ страданій!
Печаленъ и суровъ на этотъ разъ
Испытаннаго Кузьмича разсказъ:
"Пора узнать тебѣ, праправнукъ милый,
Что и мои Господь испытываетъ силы:
Уже прошло безъ малаго сто лѣтъ,
Какъ духу моему прощенья нѣтъ...
Среди живыхъ лишь призракомъ бреду, —
Еще не удостоенъ Страшному суду:
Для блага родины, въ угоду близкимъ,
Пріялъ я на душу поступокъ низкій:
Прикрылъ насиліе надъ царственнымъ отцемъ
А самъ вѣнчался окровавленнымъ вѣнцемъ...*
Да, милый, не легка мужицкая рубаха,
Но много тяжелѣе шапка Мономаха...
Но близокъ часъ Господняго прощенья!
Безъ ропота, но подвигомъ суровымъ,
Щитомъ труда и долгаго терпѣнья,
Очистится и грѣшный нашъ народъ
И процвѣтетъ онъ Именемъ Христовымъ..."
Царевичъ слушаетъ, внимаетъ свято,
Но сердце смертною тоской объято...

. . . . .

А между тѣмъ въ лѣсу, во тьмѣ глубокой
Томится и аукаетъ далеко
Лебедью покинутой Царевна:
Кличетъ и тоскуетъ одиноко —
Скучно ей, темно и несугрѣвно...

---

*По легендѣ объ Императорѣ Александрѣ Первомъ.

Вотъ донесся въ скитъ призывъ печальный
И упалъ на сердце пѣсней погребальной...

. . . . .

Ночь и тьма, какъ черное крыло грѣха...
Обуглился костеръ. Не тронута уха.
Кузьмичъ стучитъ весломъ о бортъ челна.
Снова крикъ лебяжій... Вновь зоветъ она.
Взглядъ ея припомнилъ: всѣ забылись муки,
И тотчасъ идетъ онъ на лѣсные звуки,
Прямо, безъ тропы, не чувствуя земли...
Вкругъ уснувшей ратью горы залегли.
Вспомнилъ: гдѣ-то милліоны братьевъ пали,
А живые милліоны — всѣ въ печали...
Гдѣ-то за горами вражьи племена.
Меркнуть въ памяти святыя имена...
"Молніи сверкаютъ... Господи — помилуй!"
Отняла земля остатокъ юной силы.
Валится весь міръ стѣною звѣздной...
Нѣтъ, это Царевичъ падаетъ надъ бездной.
А рядомъ съ нимъ... А рядомъ съ нимъ — русалка...
Плачетъ и ласкается, смѣется жалко:
"Мой женихъ! Царевичъ! Милый, гдѣ ты?"
Только отъ Царевича ужъ нѣтъ отвѣта...
Онъ очнулся первый... Замеръ, онѣмѣлъ —
Красоты земной окончился предѣлъ —
Онѣмѣла и ослѣпла въ яркомъ свѣтѣ
Дивная Царевна передъ чудомъ:
Надъ лѣсною дремью, надъ бездоннымъ прудомъ,
Въ гимнѣ ангеловъ надзвѣзднаго напѣва
Пречистая сіяла Приснодѣва.
Это Она хранитъ Своимъ Покровомъ
Всю Русь, идущую въ вѣнцѣ терновомъ...

Это Она, Благая Матерь Міра,
Идетъ по мукамъ страждущихъ и сирыхъ.
Это Она ведетъ слѣпыхъ, хромыхъ, убогихъ
Стезей, сужденной для немногихъ...
И заступается предъ Сыномъ Божьимъ
За людъ бродячій, сбитый бездорожьемъ...
И вотъ Она-же, въ грозный часъ послѣдній,
Пришла спасти отъ тяжкаго паденья
Царевича, стоявшаго надъ бездной...
И надъ Царевной, робкой и болѣзной,
Сжалилась въ недобрый испытанья часъ
И затмила свѣтъ ея прекрасныхъ глазъ,
Чтобъ не чуяла смертельной боли,
Какъ изъ болотъ зыбучихъ, Матерь Свѣта
Возноситъ юный духъ по Высшей Волѣ,
Въ предвѣчныя обители Всепѣтой...
Пала ницъ Царевна, кланяясь Царицѣ...
Ярче и быстрѣе сказочной Жаръ—Птицы
Понеслась любовь ея въ чертогъ чудесный,
Къ высшей истинѣ и къ красотѣ небесной...

* * *

XIX

МАРШЪ СМЕРТИ

Долго—ли, коротко-ль длился вѣщій сонъ,
Но въ сказочномъ дворцѣ набатный звонъ
Царевну разбудилъ... Къ ея постели
Изъ парка птицы странныя летѣли.
То не были знакомыя Жаръ—Птицы,
Ни Птицы Синія — посланницы чудесъ,
То были призраки колдуньи-огневицы —
Ихъ стаями затмился сводъ небесъ.
И вѣщій сонъ сталъ явной былью:
Все царство отдано во власть насилью.
Оно пришло во снѣ, какъ смертный тать.
Царевна рвется, но не можетъ встать
И, слыша громы грознаго крушенья,
Она, какъ за надежду утѣшенья,
Хватается за окончанье сна,
Когда Владычицей была ослѣплена...

. . . . .

Но воронъ каркаетъ и чайки плачутъ
И вѣтры буйные по дебрямъ воютъ...
И тучи никнутъ сѣрой пеленою,
И вихри дикими конями скачутъ.
Молчатъ и терпятъ сѣрыя равнины,
Въ глубокомъ траурѣ далекія вершины

И потрясается вся твердь земная,
Всеобщій похоронный маршъ свершая...
Простецъ и рыцарь, пахарь и мудрецъ,
Духовникъ кроткій, генералъ почтенный —
Всѣ приняли безславія вѣнецъ
Иль мученичества вѣнецъ нетлѣнный...
И гибель огненной стопою.
Испепеляя храмы и дворцы,
Ведетъ на смерть безчисленной толпою
Всѣ племена, разитъ во всѣ концы.
И сотни тысячъ вольныхъ палачей
Свершаютъ казнь невольныхъ милліоновъ:
У милліоновъ меркнетъ свѣтъ очей —
Міръ содрогается отъ бури стоновъ...
Такъ смерть справляетъ мести тризну...
Возмездіе-ли правитъ столь жестоко?
Велѣнье-ли безсмысленнаго рока
Судило рабствомъ возродить отчизну?
Печать двадцатаго запомнимъ вѣка,
Когда изъ окровавленныхъ потерь,
Какъ будто бы для блага человѣка,
Свободно выросъ многоликій звѣрь.
Вы видѣли на площадяхъ не разъ,
Когда онъ толпы призывалъ къ разгрому,
Когда кровопролитія экстазъ
Привилъ и малому и пожилому...
Но дьяволъ не былъ бы самимъ собой,
Когда бъ не посмѣялся надъ глупцами,
И рабства небывалаго творцами,
Игравшими народною судьбой:
Онъ затопталъ ихъ въ той-же общей ямѣ,
Что рыта для другихъ кровавою борьбой...
И нынѣ видитъ міръ, какъ Змѣй сгораетъ

Въ своей-же кузницѣ, въ горнѣ,
Какъ слугъ своихъ нещадно пожираетъ,
Чтобъ надъ свободой ихъ натѣшиться вполнѣ.

. . . . .

Но ни свободы, ни любви не стало.
Ушла легенда, замолчалъ пѣвецъ.
Зато всеобщей ненависти жало
Пронзило землю изъ конца въ конецъ.

. . . . .

А ты, земля!.. Вселенская-ли ты планета
Иль только капля Млечнаго Пути?..
И все-же — для тебя одной воспѣта
Мечта влюбленнаго въ тебя поэта,
Но отъ тебя, плѣненной, нѣтъ отвѣта...
Цѣлые вѣка нелѣпо и безцѣльно
Питаютъ вѣчную кровавую борьбу,
Чтобъ уготовать общую судьбу
И геніямъ и палачамъ смертельнымъ...
Была ты дномъ всемірнаго потопа;
Трусы, моры, глады и пожары были
И все-таки нечестія не смыли,
Не укротили зла слѣпыхъ холоповъ.
Погрязшую въ грѣхахъ, лишенную стыда,
Поправшую любви божественный законъ,
Тебя объемлетъ князь грѣха, Драконъ,
И, можетъ быть, поглотитъ безъ слѣда...
Спѣши покаяться... Очистись и молись
И пагубныхъ лобзаній Змѣя берегись!..

* * *

XX

ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ

Лишенная угла — родного крова,
Творящая мечта, держава славъ,
Царевна, странницей убогой снова,
Ушла на рубежи иныхъ державъ.
Но злобно посмѣются тамъ надъ нищей —
Тамъ не повѣрятъ въ истинную быль...
Тамъ бросятъ грязь и пересудовъ пыль
Въ лицо Царевны безъ угла и пищи...

. . . . .

Невѣдомъ путь и горекъ хлѣбъ изгнанья,
Но Странница устремлена впередъ,
А впереди все то же испытанье
Готовитъ ей глухой тоски чередъ.
Но видитъ вновь родимыхъ лицъ черты:
И въ потѣ тружениковъ-земледѣльцевъ,
И въ рабствѣ у лихихъ рабовладѣльцевъ,
Что щедры на могильные кресты...
Крестами русскими весь міръ покрытъ,
Могилами усѣяны всѣ страны,
Но древній нашъ обычай не изжитъ —
Жить вѣрой въ лучшее — пускай смертельны раны...

. . . . .

Царевна слушаетъ родную рѣчь
И музыку — души родной творенье,
И захотѣлось ей вездѣ возжечь
Лампады, — душъ бездомныхъ утѣшенье.
И всюду замерцали тѣ лампады:
Въ поляхъ, лѣсахъ и въ міровыхъ столицахъ
И, точно знакъ божественной награды,
Надежда вспыхнула на скорбныхъ лицахъ.
Факелами правды вожделѣнной,
Вѣстниками жертвы добровольной,
По всѣмъ путямъ Изгнанницы бездольной,
Затеплились огни во всей вселенной.

. . . . .

Нѣтъ на свѣтѣ края, гдѣ-бы не звучалъ,
Голосъ русской пѣсни или громкій споръ...
Нѣтъ пустыни дикой, гдѣ-бы не стучалъ
Строителя россійскаго топоръ.
Русь явила всюду силу созиданья —
Безъ ея искусства въ мірѣ нѣтъ народа:
Также, какъ Израиль послѣ дней Исхода,
Всюду побѣждаетъ силою страданья...
Такъ идетъ по міру русская мечта,
Вѣра и надежда, скорбь и красота...
Съ ними неустанно въ ратномъ бытіи,
Стражъ, покрытый царственною славой,
Честь героевъ — нашъ Орелъ Двуглавый, —
Дѣлитъ онъ скитанья, плачъ и литіи.
И сочатся капли, кровь изъ старыхъ ранъ,
На поля и горы всѣхъ заморскихъ странъ...
Среди всѣхъ народовъ, малыхъ и великихъ,
Пахнетъ Русью... И на всѣхъ языкахъ
Плачетъ и тоскуетъ праведная давность.

Всюду раздаются пѣсни и молитвы,
Слышны зовы трубъ — для послѣдней битвы
За всемірную Христа Державность...

* * *

XXI

ЯВЛЕНІЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА

Но вотъ нежданное блеснуло чудо —
Равноапостольный, Руси Святой Креститель,
Владиміръ — Князь, какъ говорили всюду,
Явился вновь въ престольную Обитель.
Безмала тысяча годовъ прошло съ временъ,
Когда Владиміръ созвалъ въ древній Кіевъ,
Крестить въ Днѣпрѣ всѣ сто племенъ,
Чтобъ поразить всѣхъ будущихъ Батыевъ.
И вотъ опять пришелъ къ родному люду.
Хоть видѣть Князя небыло достойныхъ,
Зато, на праздникахъ благопристойныхъ,
Всѣ вѣрили свершившемуся чуду.

. . . . .

Въ большой толпѣ сѣрмяжнаго народа,
Царевна слушаетъ Святую Литургію.
Во славу знаменательнаго года,
Въ смущеніи придерживая панагію,
Епископъ произноситъ слово поученья
О дняхъ далекихъ Русскаго Крещенья.
Монахъ, въ архіерейскомъ облаченьи,
Святитель скромный и на видъ простой,
Во Имя Божіе и истины святой,
Онъ пламенное началъ обличенье:

"Что вамъ сказать на этой вѣщей тризнѣ?
Истерлось, какъ алтынъ и оскудѣло слово.
Какой псаломъ пропѣть о Матери Отчизнѣ,
Какъ возродить любовь къ дѣяніямъ былого?
О, если-бы поднялся изъ своей гробницы
Нашъ русскій богатырь, простой нашъ дѣдъ Илья
Да поглядѣлъ бы изъ-подъ рукавицы,
Чѣмъ стала есть Россійская Земля, —
Что-бъ онъ сказалъ? Какимъ бы крикнулъ крикомъ
На весь народъ, поправшій Божье Дѣло?
Кровавою слезой заплакалъ бы предъ Ликомъ
Творца и Спаса? А потомъ бы смѣло
Свой поднялъ мечъ на насъ, какъ на враговъ,
Не смогшихъ уберечь родимыхъ очаговъ,
На насъ, кто презирать все старое умѣетъ,
А Правдѣ Бобьей въ очи поглядѣть не смѣетъ.
Покаемся: понятны-ли намъ стертыя скрижали,
Завѣты предковъ, писанные русской кровью?
Познаемъ-ли все то, что предки наши знали,
Согрѣемъ-ли грядущее ихъ кроткою любовью?
И сможемъ-ли припасть къ землѣ родимой ухомъ
И услыхать ушедшихъ витязей простые голоса?
Проникнемся-ли вновь ихъ богатырскимъ духомъ,
Чтобы творить побѣдныхъ жертвъ святыя чудеса?
О, нѣтъ! Не по плечу намъ тяжкій мечъ Олега.
Желѣзный панцырь Игоря намъ не подъ силу.
Зато мы сами роемъ для Руси могилу,
Зато мы рабствуемъ у нынѣшняго Печенѣга.
Когда-то самъ Олегъ ошибся безпредѣльно:
Изъ мертвой головы коня онъ принялъ смерти жало.
Не то же ли теперь съ Святою Русью стало?
Змѣя могильная ужалила ее смертельно.
И ужъ не вѣрится, что все, что было — было —

Все тьмой кромѣшною лихая кривда скрыла...
И мнится — чудится родная старина,
Какъ сказка, радугой небесною озарена.
Но это быль, что Русью свергнуты Монголы,
Монастыри построили столѣтнія твердыни,
И стали для насъ святы вѣщіе глаголы
О князѣ-Солнышкѣ, о Кіевскихъ Святыняхъ.
А тамъ узоръ причудливый невѣдомыхъ Славянъ.
За тьмой вѣковъ сокрытъ ихъ бытъ, отваги полный.
Когда-то былъ у нихъ сказатель ихъ Баянъ,
Но быль о немъ сокрыли время волны.
Все стало сказкой: правда и преданья.
У скалъ забвенія всѣ ихъ дѣла разбиты,
Но не прошли безплодно ихъ страданья:
Они въ сердцахъ нишихъ на новые вѣка сокрыты."

. . . . .

Царевна слушала, но не слыхала,
Чѣмъ кончилась святительская рѣчь —
Вѣтровъ тысячелѣтнихъ опахала
Успѣли въ сердцѣ новые огни зажечь...
"Мечи булатны, стрѣлы остры у Варяговъ" —
Это Садко Богатый снарядилъ струги
И, подъ защитою Славянскихъ стяговъ,
Свершаетъ по морямъ широкіе круги.
И вѣтры Сѣвера вздуваютъ домотканныхъ,
Цвѣтистыхъ парусовъ крутыя груди.
Какъ стаю лебедей въ лазури первозданной,
Ведутъ флотилію Садковы люди.
О, люди древніе, богатыри ушедшей славы,
Отважные борцы съ природой дикой,
Творцы могучей Сѣверной Державы,
Создатели Святой Руси Великой!

О васъ поютъ намъ сѣверные вѣтры,
Сказанія о васъ хранятъ морскія волны,
Слова о Полку Игоря рекутъ безсмертно,
Какъ Русь обороняли наши воеводы.
Какъ воду пилъ изъ Дона Игорь Славный,
Зачерпывая струи шлемомъ мѣднымъ.
Какъ скорбно причитала Ярославна,
И вѣсть слала къ супругу съ вѣтромъ всепобѣднымъ.
О, вѣтеръ, вѣтеръ, многокрылый князь простора,
Челны твои облачны летятъ по всему свѣту.
Нѣтъ гонцовъ, тебѣ равныхъ и преграды нѣту.
Скажи: не встрѣчалъ-ли ты богатыря Святогора?
Куда уѣхалъ онъ на рѣзвомъ на Буланомъ?
Когда покинулъ онъ Руси Святой предѣлы?
Не палъ-ли онъ бокъ-о-бокъ съ Еруcланомъ
Въ бою за праведное Божье Дѣло?
Отвѣчаетъ вѣтеръ пѣсней заунывной;
Ропотомъ-укоромъ и тоской призывной:
"Во всѣ концы свѣта я вьюгами дую,
Я тысячу лѣтъ о правдѣ Божьей тоскую.
Я бѣлыми снѣгами землю русскую покрываю,
Я сотни племенъ въ одну семью собираю.
Но чернь непокорная, шать бездомовая,
Тормозитъ славное дѣло Христовое.
И безъ креста эти люди по свѣту шатаются,
А христіанами тоже считаются.
Не за то-ли и дома и по всему свѣту,
Нѣтъ для нихъ счастья и мира для нихъ нѣту.
Но безсчетны по всей землѣ ихъ могилы...
И вотъ я зову ихъ и кричу во всю силу:
Посмотри ты, народъ, на зарю предвосходную,
На зарю предвосходную, Самому Богу угодную,
На восходъ родной, на Русское бытье — начало,

Когда Русь стала-быть и Святою стала.
А и ты, Иванъ, Иванъ Милліонноголовый,
Вѣдь когда-то ты былъ и силенъ и толковый.
Встань-ка ты, Иванъ, на обѣ твои ноги
Да очисти къ Родинѣ своей дороги.
Погляди на себя: какой ты за тысячу лѣтъ сталъ дѣтина,
Будь-ка ты богатыремъ, а не сиротиной.
Да и пора тебѣ знать Родины своей былое,
Чтобы лучше строить будущее счастье золотое."

. . . . .

А послѣ панихидъ и многолѣтій,
Народъ былъ позванъ къ скромному столу —
И какъ-же памятны минуты эти,
Когда средь нищихъ, за столомъ, въ углу,
Царевна слушала опять, забывъ о хлѣбѣ,
Какъ будто съ ангалами пребывала въ небѣ.
Сказатель свѣтскій, посѣдѣвъ въ наукахъ,
Отборнымъ жемчугомъ пересыпалъ балладу:
Онъ говорилъ про Русь, какъ свѣтлую Усладу
И создалъ стройный гимнъ въ словесныхъ звукахъ:

. . . . .

"Невѣдома для насъ судьба былыхъ племенъ,
Прапраотцевъ теперешней Россіи
И вѣчно взоръ вашъ будетъ изумленъ
Передъ загадкою языческой стихіи.
Но знаемъ мы — исторія намъ въ томъ порука:
Ни сила воиновъ, ни свѣтская наука,
Ни величаніе бездушнаго кумира,
Народамъ не дадутъ ни счастія, ни мира.
Въ просторахъ Сѣвера Славянскіе народы
Влачили темное Перуново плѣненье

И лучъ съ востока не принесъ бы имъ свободы,
Когда-бы не пришло Христово озаренье.
Христово озареніе и яркій свѣтъ Креста
Пришли на Русь изъ града Константина
И, какъ по мановенью Божьяго перста,
Возникло царство Сѣвернаго Исполина.
И Ты, праматерь Русская, невѣста изъ невѣстъ,
Ты, женщина-сестра, прими благодаренье:
Тобою къ намъ внесенъ изъ Византіи Крестъ,
Черезъ тебя пришло Христово озаренье.
Княгиня Ольга, Руси краеугольный камень,
Тобой испытана апостольская мука,
Тобой возженъ святого Православья пламень,
Тобой озарено языческое сердце внука.
Владиміръ—Князь взялъ долгихъ тридцать лѣтъ
На размышленіе и выборъ правой Вѣры.
Свободно выбралъ онъ Христа Новый Завѣтъ.
Свидѣтели тому — Печерскія Пещеры.
Тамъ сотни лѣтъ во тьмѣ глубокой
Міру сіялъ неугасимый мира свѣтъ.
Печерскіе подвижники и нынѣ многооко
Взираютъ на небо изъ смуты нашихъ лѣтъ.
Миръ мірови принесъ Владиміръ свѣту.
Миръ мірови и счастье всѣмъ народамъ,
О, если-бы міръ внялъ его завѣту,
Онъ не пошелъ-бы въ рабство лже-свободамъ.
Поймите правильно, потомки Православныхъ,
Поймите и запомните на всѣ вѣка:
Владиміръ намъ принесъ въ рукахъ державныхъ
Тотъ виноградъ, что подала Спасителя рука:
Свободу Вѣры, милость и смиренье,
Любовь и подвигъ, всѣ дары труда.
И было благостно Владиміра горѣнье

Избавить Русь отъ казней навсегда.
И знають всѣ пришельцы въ Кіевъ Стольный,
Какъ надъ Днѣпромъ на много верстъ окрестъ
Въ рукахъ Владиміра, на берегу раздольномъ,
Сіялъ величественный древній Крестъ.
Тотъ Крестъ сіялъ для всей Руси Великой,
Онъ освѣщалъ вѣка и поколѣнья,
Пока по волѣ темной силы дикой
Упалъ во прахъ людского оскудѣнья.
И Прахомъ все пошло, повсюду мерзкій прахъ:
Прахъ бытія, прахъ духа, прахъ свободы.
Повсюду голодъ, казни, смерть и страхъ —
Погибли безъ Креста Россійскіе народы.
И видитъ міръ: Святая Русь распята.
И кару тяжкую несутъ Владиміровы дѣти.
Когда-же Русь съ Голгофы будетъ снята?
И гдѣ предѣлъ заслуженнаго лихолѣтья?
О, никогда мы не увидимъ свѣта,
Ни мира, ни любви, ни скромнаго богатства,
Пока когда-то, кто-то сильный, гдѣ-то,
Не поведетъ насъ вновь къ Кресту, оплоту Братства.
Но братство создаетъ Святая Вѣра.
Мертва же Вѣра безъ любви священной.
Послѣдуемъ-ли мы Владиміра примѣру,
Чтобъ засіяла Русь опять по всей вселенной?
Во всей вселенной не пройдутъ страданья,
Пока Россія не сойдетъ съ креста.
Таковъ удѣлъ заслуженнаго испытанья.
Таковъ Завѣтъ Распятаго Христа!
Но вѣримъ мы и вѣщимъ сердцемъ чуемъ:
Уже близка, близка милость Господня,
И всей душою съ вами торжествуемъ:
Русь возрождается, вновь поднимается сегодня!"
. . . . .

"Сегодня?" — спрашивали тихо люди.
"Сегодня!" — выговорилъ твердо каждый.
И съ облегченьемъ поднимались груди,
А сердце жертвенною наполнялось жаждой.
И, незамѣтно для всего застолья,
Котомку тощую безъ словъ взяла
И въ новый путь, въ родимыя раздолья,
Царевна Русь, благословясь, ушла...

* * *

XXII

ЗЛАТОГЛАВЪ

„Еще одно, послѣднее, сказанье...“
. . . Въ странѣ снѣговъ, въ странѣ нѣмыхъ изгнаній,
Въ юдоли слезъ сіяетъ крестъ страданій, —
Не тамъ-ли лучъ мірского упованья?
Да, есть на Сѣверѣ великая страна,
Во имя міра жертвуетъ собой она;
На казнь и на позоръ, на смерть осуждена,
Но съ ней одной не совладаетъ сатана...
Въ странѣ той царствуетъ кровавая стахія,
Испытаны всѣ злодѣянія лихія,
Но она первая низвергнетъ Змія...
Страна та — новая, грядущая Россія...

. . . . .

Уже сбираются, подобно тучамъ,
Всѣ скорби, слезы, стоны и молитвы
Въ священную грозу на Сѣверѣ могучемъ...
И созываетъ для послѣдней битвы
Святыхъ подвижниковъ Архангелъ Гавріилъ...
Уже послѣднюю слезу Господь пролилъ
Надъ истекающей въ крови державой...
И съ новой силой, съ всепобѣдной славой,
Святой Георгій, витязей начальникъ,
Дружинъ замученныхъ печальникъ,

Прокладываетъ горнюю дорогу
Къ спасенію Руси, угодной Богу...

. . . . .

Какъ первый вѣстникъ Божьяго прощенья,
Уже возсталъ изъ гроба Петръ Великій.
За нимъ встаютъ, въ нежданномъ обновленьи,
Исторіей прославленныя лики:
Кутузовъ и Суворовъ, Мининъ скромный,
За тысячу годовъ ихъ списокъ многотомный.
А тамъ, какъ символъ совѣсти народной,
Является Сусанинъ благородный...
И пронеслось стрѣлою повсемѣстно,
Что появился наяву, чудесно,
Какъ древности и нови связь,
Со всей дружиной Благовѣрный Князь
Александръ, святой водитель Невскій...
Придетъ и Воевода Радонежскій!..
Ихъ всѣхъ Царевна молитъ: Русь избавить
Отъ казни лютой и судебъ безславныхъ,
Чтобы очистить и на путь направить
Заблудшихся потомковъ православныхъ...
Ея молитва, полная горѣнья,
Возносится въ небесныя селенья —
Въ ней стыдъ и горечь покаянья
И робкое на милость упованье:
"Намъ не добыть побѣды безъ усилій,
Безъ мужества не одолѣть насилій.
И только жертвою благословенной
Заслужимъ щитъ святыхъ богатырей...
И будетъ Русь Обителью Священной,
А не Голгофой для народа и царей.
Какъ предки древніе, во время оно,

Спасали Русь молитвой покаянной,
Такъ мы, попратели основъ закона,
Преклонимся предъ Силой Первозданой!"
И чувствуя разсвѣта приближенье,

. . . . .

Собравши всѣ свободные вѣтра,
Царевна имъ даетъ распоряженье —
Указъ разнесть народамъ до утра:

. . . . .

"Кто-бъ ни былъ ты, нашъ будущій народъ —
Пора кровавыхъ бурь на родинѣ пройдетъ,
И въ преизбыткѣ богатырской силы,
Возстанешь ты изъ временной могилы.
И вѣрю я, что, по путямъ тернистымъ,
Покинувши звѣриныя пещеры,
Ты вновь прійдешь къ своимъ истокамъ чистымъ,
И водрузишь опять знамена Вѣры.
И тогда, вновь строя на былой крови,
Увидишь ты, какъ много для тебя любви
Вложили въ прошломъ мученики-предки,
Чтобъ жилъ ты не въ желѣзной клѣткѣ,
А на свободѣ, силою несокрушимой,
Средь всѣхъ народовъ, какъ въ семьѣ родимой...
Тогда найдешь ты на горахъ высокихъ,
Превыше всѣхъ высотъ скалу сѣдую,
А въ ней, схороненную, быль былую
Кровавыхъ дней, недавнихъ и далекихъ...
На мѣстѣ древнихъ храмовъ разоренныхъ,
Трудами поколѣній сотворенныхъ,
Тамъ на скалѣ, на высотѣ орлиной,

Найдешь могучій крестъ, страданій символъ,
Воздвигнутый народною былиной...
Глубокій склепъ тамъ выдолбленъ въ горахъ,
А въ немъ Подвижниковъ нетлѣнный прахъ...
Надъ входомъ въ склепъ и днемъ и ночью темной,
Въ огненной грозѣ и въ бурѣ неуемной,
Пылаетъ Духа свѣтъ неугасимый
И свѣтитъ всей землѣ необозримой...
И сохранитъ тѣ скалы, спрятанныя тучей,
Все тотъ-же стражъ — духъ витязей могучій.
И будетъ часъ и часъ тотъ недалеко: —
Одумается Русь, покается глубоко
И потечетъ къ подножію того креста
И вновь испроситъ милость у Христа!"

. . . . .

Пройдутъ года, пройдутъ десятилѣтья, —
Положенному сроку точенъ счетъ,
Но вмѣсто тягостнаго лихолѣтья,
Чреда временъ счастливыхъ потечетъ.
Тогда всѣ витязи изъ праха встанутъ,
Тогда душа у всѣхъ будетъ чиста —
Тогда дни возрожденія настанутъ, —
Тогда Царевна Русь откроетъ всѣмъ врата.
И гимномъ раздадутся радостные клики,
Когда со всѣхъ сторонъ строители придутъ,
Когда всѣ племена и всѣ языки
Дары труда для Златоглава воздадутъ.
Не будетъ ни одной страны на свѣтѣ,
Откуда не было-бы русскаго гонца
И всѣ, какъ равныя родныя дѣти,
Найдутъ пріютъ подъ кровлею Творца.
Возникнетъ Градъ Святой и небывалый,

Столица міра — плодъ безсмертныхъ славъ —
Гдѣ бѣлоснѣжно—сине—ярко—алый
Священный стягъ возглавитъ Златоглавъ.
Но Златоглавъ возникнетъ на Востокѣ,
Гдѣ чистъ просторъ и нынѣ свято-тихъ,
Гдѣ счастья новаго бьютъ чистые истоки,
Гдѣ благостный Царевну ждетъ женихъ.
И ненависти тамъ не будетъ мѣста:
Всѣ роды-племена станутъ любимы,
Все вѣры и обычаи терпимы
И скажетъ всѣмъ Царевна-Русь-Невѣста:
"Да освятятся стѣны Новаго Кремля
Владычицы Небесной посѣщеньемъ,
Да озарятся люди всепрощеньемъ,
Да просвятится Русская Земля...
Нынѣ Святой Георгій вновь на стражѣ
Съ Христовымъ воинствомъ повсюду станетъ
И подвигъ витязей да непрестанетъ,
Да-бы во всякій часъ святымъ жезломъ
Расправиться съ невыносимымъ зломъ!
И всякій труженикъ съ молитвой скажетъ:
"Благословимъ Любви Христовой крылья —
Мы съ ними не рабы цѣпей безсилья, —
Любовью возвеличимъ всѣ дѣла..."
Великій Златоглавъ во всѣ колокола
Благовѣститъ указъ святому клиру:
Вселенскою да будетъ Литургія —
За ниспосланье мира всему міру,
Благодаримъ Васъ Силы всеблагія!
Какъ Свѣтлое Христово Воскресенье
Я съ вами праздную Руси спасенье!
Да возликуетъ правый и неправый
Предъ Вышнею Господней Славой..."

* * *

XXIII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Кончилась-ли сказка? Нѣтъ, конца ей нѣту —
Это лишь загадка будущимъ поэтамъ.
Это — предложенье судьямъ неизвѣстнымъ —
Разрѣшить задачу приговоромъ честнымъ...
Всякое бываетъ... Какъ-то, кто-то, гдѣ-то
Будетъ не доволенъ вѣщей сказкой этой:
Ѣдко усмѣхнется иль сурово спроситъ:
"Почему сказатель прошлое возноситъ?"
Для подобныхъ судей — ихъ у насъ не мало —
Есть отвѣтъ немудрый: "Гдѣ твое начало?.."
Безъ корней подземныхъ не растутъ растенья —
Всякій новый листикъ — вѣтокъ порожденье.
Сколь онъ ни кичится, сколь онъ ни бунтуетъ —
Первою-же бурей листья съ вѣтокъ сдуетъ...
Также всходитъ солнце, но не вѣченъ день...
Подруби лѣсину — будетъ голый пень.
Кто-то скажетъ: "Новый мы насадимъ садъ,"
Но сѣдое время спятитъ васъ назадъ...
Никогда не сможешь новаго создать,
Коль порвалъ съ корнями жизни благодать.
И за то разрушенъ жизни нашей Храмъ,
Тамъ-же, гдѣ нѣтъ Храма — нѣту счастья тамъ.
Тамъ, во тьмѣ, угаснутъ радости народа —
И любовь и вѣра, правда и свобода.

Въ томъ-ли ваше счастье, новые? А ну-т-ко!..
Неужели въ силѣ ненависти жуткой?
Потому-то снова, явно или тайно,
Каждый грезитъ сказкой иль мечтой случайной...
Тѣхъ, кто умеръ сердцемъ, сказка не разбудетъ,
Тотъ-же, кто не умеръ — лучшимъ другомъ будетъ.

. . . .

Такъ сложились сказки горюномъ-народомъ,
Такъ поетъ онъ пѣсни бѣдамъ и невзгодамъ...
Такъ въ цвѣтахъ легенды ищетъ онъ утѣхъ;
Такъ онъ лѣчитъ раны и смертельный грѣхъ...
Если-бъ не легенда — что-бы съ міромъ сталось?
Каждое-бы сердце смертной скукой сжалось.
Такъ какъ зло предѣльно, добру-жъ нѣтъ предѣла,
То и зло послужитъ для святого дѣла...
Какъ бы ни судили "мы" или "они" —
"Тамъ" ужъ наступаютъ просвѣтлѣнья дни.
Если "здѣсь" безъ толку всякъ воленъ кричать —
"Тамъ" народъ наученъ дѣлать и молчать...
Вѣчные законы — въ творческомъ горѣньи;
Лучшая-же сказка — въ храмопостроеньи.
И мы знаемъ твердо: на Вершинѣ Славъ —
Воплотится сказка въ Дивный Златоглавъ!..

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ О КНИГАХЪ Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА

"Ты *Сто племенъ съ единымъ,* въ гулѣ звона,
Качнулъ, ихъ замыкая въ мудрый сказъ."

К. Бальмонтъ.

"Читаю книгу "Гонецъ" и радуюсь... Она должна многимъ раскрыть глаза на истину, на смыслъ и цѣль жизни."

Вел. Кн. Александръ Михайловичъ.

"Какая превосходная книга "Гонецъ". Я наслаждался..."

Илья Рѣпинъ.

"Въ трилогіи "Микула". Гребенщиковъ — сразу классикъ."

Поль Буайе. (Проф. Сорбоны.)

"Радуюсь Сибири, взрастившей этого большого человѣка."

Николай Рерихъ.

"Когда я читаю "Чураевыхъ", я горжусь, что я Русскій, и завидую, что не Сибирякъ."

Федоръ Шаляпинъ.

"Романы Гребенщикова — это глубокая поэзія въ прозѣ."

Проф. П. П. Гензель (Northwestern University)

"Радонега" Г. Д. Гребенщикова — качество такого русскаго національнаго творчества, которое переживетъ вѣка"

Епископъ Леонтій.

"Выражаю восторгъ и восхищеніе, съ которымъ я прочелъ и перечелъ неоднократно "Чураевыхъ".

Генералъ П. Красновъ.

"Чураевы" написаны сильно, красочно и, главное, надолго."

Максимъ Горькій.

"Георгій Гребенщиковъ самый интересный представитель новѣйшей русской литературы."

Эдмондъ Жалю ("La Vie Literaire", Paris.)

"Его "Чураевы" ставятъ его во главѣ самыхъ сильныхъ писателей-реалистовъ. Въ нихъ показанъ геніальный художникъ."

Лоренцо Жигли ("Gazetta del Poppolo", Italy.)

"Братья Чураевы" дали ему Европейскую репутацію. Георгій Гребенщиковъ показалъ себя мастеромъ."

А. Койани ("La Stampa" ,Rome.)

"Искусство Георгія Гребенщикова часто напоминаетъ искусство Льва Толстого. "Гонецъ" звучитъ, какъ высоко-вдохновенная поэзія."

Армандо Романо ("Il Progresso", New York.)

НА СКЛАДѢ ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА:

ЭПОПЕЯ ЧУРАЕВЫ:

	Цѣна въ Амер.дол.
БРАТЬЯ, томъ Первый	1.50
СПУСКЪ ВЪ ДОЛИНУ. томъ Второй	1.50
ВЕЛѢНІЯ ЗЕМЛИ, томъ Третій	1.50
ТРУБНЫЙ ГЛАСЪ. томъ Четвертый	1.20
СТО ПЛЕМЕНЪ СЪ ЕДИНЫМЪ. томъ Пятый	1.25
ОКЕАНЪ БАГРЯНЫЙ, томъ Шестой	2.00
ЛОБЗАНІЕ ЗМІЯ, томъ Седьмой (Печатается)	
БЫЛИНА О МИКУЛѢ БУЯНОВИЧѢ. Романъ	1.75
ГОНЕЦЪ, Письма съ Помперага	1.00
РАДОНЕГА. Сказаніе о Св. Сергіи	1.00
КУПАВА. Романъ Художника	0.75
ЗЛАТОГЛАВЪ. Русская Сказка XX вѣка	1.25
ВЪ ПРОСТОРАХЪ СИБИРИ, Разсказы	1.25
РОДНИКЪ ВЪ ПУСТЫНѢ, Повѣсти	1.25
ПУТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ, Разсказы	0.50
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ. Повѣсть	0.25
СТЕПНЫЕ ВОРОНЫ, Разсказъ	0.15
ВОЛЧЬЯ СКАЗКА, Разсказъ	0.15
РУССКАЯ ПѢСНЯ. (Къ 100-лѣтію Д. А. Славянскаго) Распродана	

КНИГИ ДРУГИХЪ АВТОРОВЪ:

Н. К. РЕРИХЪ — ДЕРЖАВА СВѢТА	1.25
А. РЕМИЗОВЪ — НИКОЛИНЫ ПРИТЧИ	1.00
К. Д. БАЛЬМОНТЪ — ГОЛУБАЯ ПОДКОВА, Стихи о Сибири	0.25
Проф. И. А. СИКОРСКІЙ — КНИГА ЖИЗНИ Цѣна книги знач[redacted]	3.00

Книжный складъ и типографія въ Чураевкѣ
ALATAS, SOUTHBURY, CONN., U.S.A.

Цѣна $1.25